

Министерство образования и науки Республики Казахстан

Инновационный Евразийский университет

Кафедра «Журналистика и филология»

Сейсенбекова Ж.Б.

Знаки прецедентных текстов как лингвокультурный код

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

специальность 6М020500 – «Филология»

Павлодар 2015

Министерство образования и науки Республики Казахстан

Инновационный Евразийский университет

«Допущена к защите»

Заведующий кафедрой _____ **А.Р. Бейсембаев**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

На тему: «Знаки прецедентных текстов как лингвокультурный код»

по специальности 6М020500 – «Филология»

**Выполнил магистрант
группы ФилР-202(м)**

Ж.Б. Сейсенбекова

**Научный руководитель
д.филол.н.**

А.Р. Бейсембаев

Павлодар 2015

АННОТАЦИЯ

Данная магистерская диссертация рассматривает прецедентные феномены как фрагмент лингвокультурологической парадигмы знаний.

В диссертационной работе была предпринята попытка выявления прецедентных текстов, установление их текстов-доноров, определения оценочных коннотаций трансформированных прецедентных текстов.

В первой главе магистерской диссертации рассмотрены прецедентные феномены, их семантика и структура. Определено место прецедентных текстов в типологии прецедентных феноменов. Рассмотрен вопрос о прецедентных текстах как маркерах этнокультурной картины мира.

Во второй главе выявлены особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе, проанализированы трансформационные модели заголовочных конструкций казахстанских СМИ.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что поставленные вопросы рассматриваются в аспекте становления норм литературного языка и роли в этом процессе СМИ, что является одной из центральных проблем современного языкознания.

Практическая значимость определяется тем, что теоретический и практический материал данной работы может быть использован студентами вузов при подготовке и проведении уроков журналистики, факультативных занятий по русскому языку и литературе на разных этапах профессиональной практики. Данные исследования интересны с культурологической точки зрения, так как позволяют выявить культурный уровень казахстанского массового читателя, журналистов и общий характер проанализированных республиканских печатных и Интернет СМИ.

АҢДАТПА

Бұл магистрлік диссертацияда білімнің лингвокультурологиялық парадигмасының фрагменті ретінде прецеденттік феномендер қаралады.

Диссертациялық жұмыста прецеденттік мәтіндерді анықтау, олардың донор мәтіндерін белгілеу, трансформацияланған прецеденттік мәтіндердің бағалау коннотацияларын анықтау әрекеттері жасалды.

Магистрлік диссертацияның бірінші бөлімінде прецеденттік феномендер, олардың семантикасы мен құрылымы қаралды. Прецеденттік мәтіндердің прецеденттік феномендер типологиясындағы орны анықталды. Прецеденттік мәтіндердің әлемнің этномәдени картинасының маркерлері ретіндегі мәселе қаралды.

Екінші бөлімде прецеденттік мәтіндердің қазіргі заманғы публицистикалық дискурстағы қызметінің ерекшеліктері анықталды, қазақстандық БАҚ-тың трансформациялық тақырыптық конструкцияларына талдау жасалды.

Жұмыстың теориялық маңыздылығы қойылған мәселелердің әдеби тіл нормаларының және БАҚ-тың осы процестегі ролінің қалыптасу аспектісінде анықталады, бұл қазіргі заманғы тіл білімінің негізгі мәселелерінің бірі болып табылады.

Практикалық маңыздылығы осы жұмыстың теориялық және практикалық материалын ЖОО студенттерінің журналистика сабақтарын, орыс тілі мен әдебиетінен факультатив сабақтарын дайындау және оларды өткізу кезінде пайдалану мүмкіндігімен анықталады. Бұл зерттеулер культурологиялық жағынан қызық, өйткені қазақстандық бұқара оқырманның, журналистердің мәдени деңгейін және талдау жүргізілген республикалық баспасөз бен Интернет БАҚ-тың жалпы сипаттамасын анықтауға мүмкіндік береді.

ABSTRACT

This master's thesis examines the phenomena of precedent as a piece of linguistic-cultural urological knowledge paradigm.

In his master's thesis was an attempt to identify the precedent texts, establishment of their texts donor evaluation determining connotations transformed precedent texts.

The first chapter of the thesis the precedent phenomena, their semantics and structure. The place of precedent texts in the typology of precedent phenomena. The question of precedent texts as markers of ethnic and cultural world view.

In the second chapter, the peculiarities of the functioning of precedent texts in modern journalistic discourse analyzed transformational model header designs Kazakh media.

In his master's thesis was an attempt to identify the precedent texts, establishment of their texts donor evaluation determining connotations transformed precedent texts.

The theoretical significance of the work is determined by the fact that these questions are considered in terms of the formation of the rules of the literary language and the role in this process, the media, which is one of the central problems of modern linguistics.

The practical significance is determined that the theoretical and practical material of this work can be used by students of Pedagogical Academy in preparing and conducting lessons journalism elective classes in Russian language and literature at various stages of professional practice. These studies are interesting from the culturological point of view, as they allow to reveal the cultural level of the Kazakh mass audience, journalists and the general nature of the analyzed national print and online publications.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение		7
1	Прецедентные феномены как фрагмент лингвокультурологической парадигмы знаний	10
1.1	Прецедентные феномены: семантика и структура	10
1.2	Место прецедентных текстов в типологии прецедентных феноменов	17
1.3	Прецедентные тексты как маркеры этнокультурной картины мира	24
2	Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе	33
2.1	Функционирование прецедентных текстов в публицистическом дискурсе	33
2.2	Заголовочные конструкции как инструмент лингвокультурной интерпретации прецедентных текстов	38
2.3	Трансформационные модели заголовочных конструкций казахстанских СМИ	47
2.4	Ресурсы прецедентности в заголовках казахстанских СМИ (на примере республиканских изданий «Экспресс К» и «Время»)	55
Заключение		67
Список использованных источников		70

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня газетно-публицистический стиль претерпевает серьезные изменения, характер которых определяется «полилогом разных культурных языков, контрастными стилистическими регистрами, столкновением нормативного и аномального, разными типами сознания, в том числе и художественным» [1, с. 38]. Одной из ярких примет и приемов современного журналистского письма является широкое использование прецедентных текстов как культурных знаков. Следовательно, надо говорить и о роли читателя как равноправного «соавтора» публицистического произведения, что вызывает необходимость исследования не только газетных, журнальных и интернет текстов, но и моделирования «образа адресата» с точки зрения бытования в его языковом сознании прецедентных текстов и готовности к их рецепции.

СМИ активно эксплуатируют прецедентность и создаваемый ею особый тип экспрессии, который «не может не быть востребованным в газетном тексте с его равноправной ориентацией на экспрессию и стандарт». Журналист стремится нестандартно обозначить описываемую в материале проблему, привлечь к ней внимание, образно осмыслить ее уже на уровне заголовка текста, а актуализированные в них прецедентные феномены задают определенные сюжеты, «типизированные ситуации», которые уже хорошо известны читателю.

В магистерской диссертации была предпринята попытка выявления прецедентных текстов, установление их текстов-доноров, определения оценочных коннотаций трансформированных прецедентных текстов.

В основу диссертационной работы положена гипотеза о знаковом характере прецедентности как лингвокультурном феномене, чем и определяется **актуальность темы** исследования.

Цель работы заключается в комплексной характеристике прецедентных текстов в заголовочных конструкциях публицистического дискурса.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- определить место прецедентных текстов в системе прецедентных феноменов;
- установить источники прецедентных текстов;
- выявить основные трансформационные модели прецедентных текстов, используемых в публицистическом дискурсе;
- произвести семантическую интерпретацию заголовочных конструкций газетного текста.

Объектом исследования являются прецедентные тексты.

Предмет исследования – трансформационные модификации прецедентных текстов в публицистическом дискурсе (в заголовочных конструкциях).

Научная новизна работы заключается в комплексном описании прецедентных текстов публицистического дискурса, в результате которого удалось:

- описать наиболее продуктивные типы источников прецедентности;
- установить оценочное значение маркеров прецедентности;
- провести анализ прецедентности на уровне заглавия текстов;
- проанализировать прецедентные тексты казахстанских СМИ («Время», «Мегаполис», «Экспресс К», «Караван», «Казахстанская правда», «Новое поколение», Tengrinews.kz и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Прецедентные тексты маркируют речь, придавая ей кодированную форму, дешифровка которых возможна при наличии знаний социокультурного контекста.

2. Прецедентный текст как элемент культурной памяти народа регулярно используется для создания других текстов, при этом формой включения его в публицистический контекст является языковая игра, понимаемая нами, как некоторая языковая «неправильность», осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая им.

Материал исследования. Для исследования специфики порождения и интерпретации публицистических текстов, образующих в совокупности современный казахстанский публицистический дискурс и включающих в себя прецедентные тексты как особые культурные знаки, нами были проанализированы свыше 1000 прецедентных феноменов заголовочных конструкций, которые были выявлены в результате сплошной выборки из казахстанских СМИ – печатных и Интернет изданий.

Источниками исследования послужили республиканские ежедневные и еженедельные газеты «Время», «Мегаполис», «Экспресс К», «Новое поколение», «Караван», а также интернет-ресурсы Tengrinews.kz, Forbes.kz.

Основные методы и приемы исследования:

- общетеоретические методы анализа и синтеза, индукции и дедукции;
- метод контент-анализа;
- метод сплошной выборки;
- классификация;
- обобщение.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что поставленные вопросы рассматриваются в аспекте становления норм литературного языка и роли в этом процессе СМИ, что является одной из центральных проблем современного языкознания.

Практическая значимость определяется тем, что теоретический и практический материал данной работы может быть использован студентами вузов при подготовке и проведении уроков журналистики, факультативных занятий по русскому языку и литературе на разных этапах профессиональной практики. Данные исследования интересны с культурологической точки зрения, так как позволяют выявить культурный уровень казахстанского массового читателя, журналистов и общий характер проанализированных республиканских печатных и Интернет СМИ.

Результаты исследования могут быть одинаково полезны как студентам, филологам, начинающим журналистам, так и профессионалам своего дела. Данная работа может помочь проанализировать ошибки, слабые места печатных и Интернет СМИ, подсказать направление дальнейшей деятельности, установить перед журналистами определённую творческую цель и задачу.

Объем и структура работы: Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников, включающего 66 наименований.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

- «Трансформационные модели заголовочных конструкций казахстанских СМИ» // Сборник «Голоса молодых» (опыт лингвистических исследований). – Павлодар, 2014. – 166 с.
- «Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе» // Сборник «Голоса молодых» (опыт лингвистических исследований). – Павлодар, 2015. – 198 с.
- «Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе» // «Вестник ПГУ. Филологическая серия» (№4, 2015 г.). – Павлодар, 250 с.
- «Трансформационные модели заголовочных конструкций казахстанских СМИ» // Материалы международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае» (АлтГПУ). – Барнаул, 2014. – 200 с.

1 Прецедентные феномены как фрагмент лингвокультурологической парадигмы знаний

1.1 Прецедентные феномены: семантика и структура

Каждый человек принадлежит к определённой национальной культуре, включающей национальные традиции, язык, историю, литературу. Экономические, культурные и научные контакты стран и их народов делают актуальными темы, связанные с исследованием межкультурных коммуникаций, соотношения языков и культур, изучением языковой личности. Лингвистика как наука, изучающая общие процессы языка, вполне закономерно и традиционно обращается к вопросам культуры как вспомогательному материалу для более глубокого проникновения в суть языковых явлений. Все исследователи, изучающие взаимообусловленность языка и культуры исходят из положения, что взаимоотношение языка и культуры представляется как фактор взаимного развития и существования.

В современных условиях параллельно с динамическими изменениями образа жизни людей меняется и языковой вкус. И публицистика, и живая речь насыщены новыми словами, названиями, новым контекстом; значительно количество лексики с национально-культурной оценочностью – пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые слова и прецедентные феномены (далее – ПФ).

Прецедент (от латинского слова *praecedens* – идущий впереди, предшествующий) – 1) случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода; 2) юридическое – решение суда или какого-либо другого органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при решении аналогичных дел в последующем.

Феномен (*phainomenon* – являющееся) – 1) филологическое – то же, что явление; в идеалистической философии – субъективное содержание нашего сознания, не отражающее объективной действительности; в философии Канта противопоставляется ноумону; 2) редкое, необычное явление или выдающийся, исключительный в каком-либо отношении человек.

ПФ – феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Однако прежде вернемся к истокам, к происхождению термина «прецедентный текст» (далее – ПТ), который был введен в научный обиход Ю.Н. Карауловым.

Прецедентные тексты определены им как тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216].

Прецедентные тексты Ю.Н. Караулов характеризовал через понятие «хрестоматийность», которое распространяется не только на художественные тексты известных классиков литературы, которые включены в общеобразовательный курс литературы. Для представителей русской культуры такими хрестоматийными текстами, вне сомнения, будут произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. В круг прецедентных текстов также входят тексты, существующие до художественной литературы «в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений», а также «библейские тексты и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.) и публицистические произведения историко-философского и политического звучания». В число хрестоматийных текстов, таким образом, не обязательно входят тексты, включенные в программу общеобразовательной школы, в них также входят тексты, о которых «говорящие так или иначе знают» [2, с. 217]. Следствием хрестоматийности и общеизвестности прецедентных текстов является их «реинтерпретируемость», в результате которой прецедентные тексты «перешагивают рамки словесного творчества, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре)» [2, с. 216].

Таким образом, к определяющим характеристикам прецедентных текстов Ю.Н. Караулов относит: хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональную и познавательную ценность; реинтерпретируемость, проявляющуюся в их многократной интерпретации (воспроизводимости) в различного рода текстах и дискурсах, что в итоге ведет к тому, что такие тексты становятся «фактом культуры» [2, с. 216]. Выдвигая критерии отнесенности текста к прецедентному тексту, Ю.Н. Караулов говорил о том, что к прецедентным текстам нельзя отнести: 1) заявление об отпуске («этот жанр не обладает эмоциональной и познавательной значимостью, хотя является повторяющимся»); 2) текст газетного фельетона (этот текст характеризуется кратковременностью его жизни, недостаточной одновременной информативностью для членов общества); 3) тексты специальных работ («для ученого не должны считаться прецедентными тексты специальных работ – по тем же причинам») [2, с. 217].

Термин «прецедентный текст» оказался востребованным в среде ученых, в результате чего данный термин в ходе своего эволюционного развития, о котором пойдет речь в настоящей диссертационной работе, приобрел множество «терминов-собратьев», включающих в свой состав определение «прецедентный»; наряду с узким толкованием получил широкую трактовку; явился объектом дифференцированного подхода к его изучению; расширил свое изначальное терминологическое значение за счет уточнения понятийных составляющих термина.

Термин «прецедентный текст» оказался весьма плодотворным в плане создания множества производных терминов, среди которых:

- «прецедентное имя» [3, с. 45; 4, с. 67; 5, с. 102; 6, с. 34; 7, с. 56];
- «прецедентные онимы» [8, с. 130];
- «прецедентный топоним» [9, с. 147];

- «прецедентное высказывание» [3, с. 45; 4, с. 67; 6, с. 34];
- «прецедентная ситуация» [3, с. 45; 4, с. 67; 6, с. 34];
- «прецедентные феномены» [3, с. 45; 4, с. 67; 6, с. 34; 10, с. 131];
- «прецедентный жанр» [11, с. 134];
- «прецедентный мир» [3, с. 45; 12, с. 88; 13, с. 4];
- «прецедентный образ» [14, с. 85] и некоторые другие.

Термин «прецедентный феномен» получил родовое значение по отношению к терминам «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «прецедентная ситуация» и «прецедентное имя» [3, с. 45; 4, с. 67; 6, с. 34]. Далее приведем дефиниции данных терминов по Ю.Е. Прохорову, при этом заметим, что его трактовки перекликаются с определениями Д.Б. Гудкова и В.В. Красных.

Под прецедентным текстом понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак», знакомый «любому среднему члену лингвокультурного сообщества»; «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы».

Термин «прецедентный феномен» достаточно емкий. Как к родовому термину к нему следует причислить и такие термины, как «прецедентные онимы», «прецедентный топоним», которые к тому же входят в качестве гипонимов в понятие «прецедентное имя», а также термин «прецедентный жанр» и «прецедентный образ»; последний является гипонимом термина «прецедентный текст».

Известен термин «прецедентный мир» [3, с. 45; 12, с. 88; 13, с. 4]. Под прецедентным миром понимаются «комплексные лингвоконцептологические образования, интегрирующие отдельные прецедентные феномены» [13, с. 4]. Так, можно говорить о прецедентном мире «Детство» [13, с. 4], прецедентном мире отдельного художественного произведения, идиостиля, литературного направления, прецедентном мире политического дискурса и т.п.

По определению Е.А. Баженовой, автора статьи об интертекстуальности, помещенной в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», прецедентный текст – это потенциально автономный смысловой блок речевого произведения, актуализирующий значимую для автора фоновую информацию и апеллирующий к «культурной памяти» читателя; прецедентный текст – это результат «смысловой компрессии исходного текста» и форма «его метонимической замены»; прецедентный текст «характеризуется признаками автосемантичности, дейктичности и реинтерпретируемости, т.е. многократной повторяемости в интертекстуальном ряду»; прецедентный текст может быть извлечен из текста-источника «без потери познавательной-эстетической ценности и использован как самостоятельное утверждение в виде отдельного мини-текста или в других текстах» [15, с. 107]. Е.А. Баженова не случайно дает определение прецедентного текста в статье, посвященной интертекстуальности, поскольку и сам термин «прецедентный текст», а также «прецедентность» и многочисленные производные, включающие определение «прецедентный»,

достаточно прочно вошли в терминологический аппарат теории интертекстуальности. Здесь можно привести определение Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, которые под прецедентностью понимают «наличие в тексте элементов предшествующих текстов» [16, с. 7]. В принципе, данное определение сближается с понятием интертекстуальности. Для сравнения приведем определение интертекстуальности В.А. Лукина: интертекстуальность – это «наличие в тексте элементов (частей) других текстов» [17, с. 78]. Если исходить из разных толкований понятия «текст», то определение прецедентного текста Е.А. Баженовой следует отнести к узкой трактовке, ограниченной исключительно вербальными текстами. Однако наряду с узкой трактовкой термина «текст», в настоящее время принято и его широкое толкование.

В семиотике говорят о текстах «типа живописного полотна, рисунка, скульптурной композиции, архитектурного здания, фильма (в особенности с использованием минимума короткого монтажа и непрерывной точки зрения камеры), музыкального сочинения», поскольку все они «функционируют как непрерывные единства» [18, с. 123].

Как следует отметить, широкая трактовка термина «текст», которая включает и толкование текста как вербального образования, утвердилась в рамках семиотической теории культуры. Основным постулатом семиотической теории культуры является положение о культуре как системе знаков. Согласно этому положению, каждая культура представляет собой определенную систему конвенциональных знаков. Естественный язык, язык математики, нотная запись и т.д. – примеры знаковых систем, при помощи которых осуществляется кодирование феноменов культуры, хранение знаний человека о мире. Феномены культуры становятся, таким образом, знаковыми сущностями, в которых внешне воспринимаемая форма наделена значением. Однако доступ к значению является уделом посвященных, т.е. тех, кто владеет знаниями о кодировании и декодировании семиотических систем. В связи со сказанным можно утверждать, что культурные знаки – это знаки, наделенные неким тайным значением [19, с. 249]. Из положения о культуре как знаковом образовании вытекает тезис о культуре как тексте или мире как тексте. Все явления культуры, исходя из данного тезиса, есть тексты. Идеологом концепции сплошной текстуализации или теории «текста без берегов» является Ж. Деррида, которому принадлежит следующее высказывание: «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность... Это означает, что текст – это не просто речевой акт. Допустим, этот стол для меня текст. То, как я воспринимаю этот стол, – долингвистическое восприятие – уже само по себе для меня текст» (цит. по: [20, с. 246]). Поскольку все, что существует в мире, есть текст, субъект неизбежно находится внутри текста. В результате его сознание есть тоже некая сумма текстов. Под текстом, таким образом, понимается решительно все, что порождает и воспринимает человек. Весь мир, в конечном итоге, есть безграничный и бесконечный текст.

При семиотическом подходе, исходящем из широкого понимания текста, термин «прецедентный текст» также получил широкую трактовку. В.В.

Красных, в частности, утверждает, что в систему прецедентных текстов входят не только вербальные, но невербальные прецеденты (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и т.д.) [8, с. 130]. Приведем также определение прецедентного текста Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой: «Под прецедентными текстами мы будем понимать любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса. Прецедентный текст может включать в себя помимо вербального компонента изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм) [16, с. 45]. Последние известны также под термином «креолизованные прецедентные тексты» [21, с. 5].

Дифференцированный подход к изучению прецедентного текста что касается дифференцированного подхода к прецедентному тексту, а шире, к понятию «прецедентный феномен», то здесь, прежде всего, следует выделить работы, направленные на их систематизацию. По мнению Ю.Е. Прохорова, прецедентные феномены целесообразно соотнести с уровнями языковой личности [6, с. 14]. Такая точка зрения прежде высказывалась В.В. Красных [3, с. 45;] и Д.Б. Гудковым [4, с. 67;]. Далее остановимся на систематизации прецедентных феноменов, а следовательно, и прецедентных текстов в изложении Ю.Е. Прохорова, который, как следует отметить, сам говорит о том, что в своих теоретических построениях он опирался на работы Д.Б. Гудкова и В.В. Красных.

По Ю.Е. Прохорову, прецедентность имеет четыре уровня:

- Первый уровень прецедентности соответствует языковой личности как индивидууму «со своим собственным сознанием, объемом памяти, лексиконом»;
- Второй уровень прецедентности характеризует языковую личность как члена определенного социума (семейного, конфессионального, профессионального и др.). Языковая личность этого уровня имеет «общие знания, представления, ценностные ориентации и средства их семиотизации с другими членами этого социума»;
- Третий уровень прецедентности свидетельствует о сформированности языковой личности как члена определенного национально-культурного сообщества, «который владеет неким общим для всех включенных в данное сообщество набором «культурных предметов» и их символов»;
- Четвертый уровень прецедентности – это языковая личность как член рода человеческого, «обладающий общими для всех людей знаниями и представлениями» [6, с. 148].

В соответствии с уровнями языковой личности или, точнее, уровнями сознания языковой личности, выделяются уровни прецедентности:

- автопрецедентный;
- социумно-прецедентный;

- национально-прецедентный;
- универсально-прецедентный уровни.

Для каждого уровня, как отмечает Ю.Е. Прохоров, характерны свои прецедентные феномены [6, с. 148].

Автопрецедентному уровню соответствуют автопрецедентные феномены, или автопрецеденты, в терминологии Ю.Е. Прохорова. Они «представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды». В качестве примера автопрецедента Ю.Е. Прохоров приводит образ зеленой водокачки, который может ассоциироваться с детством конкретного индивида: «подобные ассоциации весьма индивидуальны, и далеко не для всех представление о водокачке является прецедентным и обладает указанным значением» [6, с. 148].

Социумно-прецедентный уровень характеризуется через социумно-прецедентные феномены, которые «известны любому среднему представителю того или иного социума и входят в коллективное когнитивное пространство». В качестве примера социумно-прецедентного феномена Ю.Е. Прохоров приводит текст Евангелия, который является прецедентным для любого представителя христианского социума. Он также высказывает мысль о том, что в случае ограниченности социума рамками семьи, социумно-прецедентные феномены могут сближаться с автопрецедентными [6, с. 149].

Национально-прецедентному уровню свойственны национально-прецедентные феномены, которые «известны любому среднему представителю того или иного ЛКС и входят в когнитивную базу этого сообщества» (ЛКС = лингвокультурное сообщество) [6, с. 149].

Универсально-прецедентный уровень представлен универсально-прецедентными феноменами, которые «известны любому современному полноценному *homo sapiens* и входят в универсальное когнитивное пространство человечества» [6, с. 149].

В.В. Красных в отличие от Ю.Е. Прохорова выделяет три типа прецедентных феноменов: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные [3, с. 96].

Несколько иную трехуровневую классификацию прецедентных текстов, входящих в «интертекстуальную энциклопедию», предлагает Г.В. Денисова [22, с. 148]. Использование термина «интертекстуальная энциклопедия», как следует уточнить, связано с адаптацией понятия о прецедентных текстах к теории интертекстуальности. Под «интертекстуальной энциклопедией» Г.В. Денисова понимает набор прецедентных текстов языковой личности [22, с. 148], что, в принципе, согласуется с определением С.Г. Филипповой, которая интертекстуальную энциклопедию определяет, как «совокупность знаний языковой личности, формируемых прецедентными текстами и составляющих неотъемлемую часть ее КМ» (КМ = картина мира) [23, с. 49].

Г.В. Денисовой различаются три типа интертекстуальной энциклопедии: универсальная, национальная и индивидуальная. Универсальная интертекстуальная энциклопедия включает тексты мировой литературы, известные представителям разных лингвокультурных сообществ. Национальная интертекстуальная энциклопедия представлена текстами национальной культуры, общими для представителей одной лингвокультурной общности. Тексты, представляющие интерес для отдельной языковой личности, входят в индивидуальную интертекстуальную энциклопедию, разновидностью которой считается профессиональная энциклопедия. Индивидуальная интертекстуальная энциклопедия варьируется от личности к личности, формируется в контексте универсальной и национальной интертекстуальных энциклопедий, но не совпадает с ней полностью: только ее часть может считаться принадлежностью национальной и/или универсальной энциклопедии [22, с. 148-150].

Очевидна тенденция расширения изначально заложенного Ю.Н. Карауловым значения термина «прецедентный текст». Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова к прецедентным текстам причисляют «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [16, с. 45]. В соответствии с данным определением в число прецедентных текстов входят: 1) «тексты, обладающие ценностной значимостью в течение относительно короткого времени», 2) «тексты, прецедентные для сравнительно узкого круга лиц (семейной группы, студенческого коллектива, например, рекламный ролик или анекдот)» [16, с. 40].

Расширение значения термина «прецедентный текст» касается и соотносимых с данным термином определяющих моментов, в частности, таких, как ценность и усвоение текстов. Ценность, по мнению Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, не обязательно может быть положительной. Она может быть и отрицательной. Усвоение текста языковой личностью может быть как актом «доброй воли», так и результатом «текстового насилия». При текстовом насилии, осуществляемым индивидуумом либо общественными институтами, происходит «усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом». В качестве примеров прецедентности такого типа авторы приводят трилогию Л.И. Брежнева «Малая земля», «Целина», «Возрождение» или текст любого рекламного ролика [16, с. 40].

Временной критерий и соотносимый с данным критерием ценностный аспект и аспект реинтерпретируемости оказываются относительными величинами при вычленении понятия «прецедентный текст», поскольку круг прецедентных текстов исторически изменчив [24, с. 29; 6, с. 35]. Текст культуры не задан раз и навсегда, ведь бывает и так, что этот текст переписывается. Обычно это происходит при смене эпох, непременно сопровождаемой переоценкой Мира Ценностей (термин «Мир Ценностей» заимствован у А.Н. Уайтхеда [25, с. 57]). Примером может служить текст Библии, который является

прецедентным текстом в религиозном христианском дискурсе. В других типах текстов или дискурсах текст Библии может выступать либо в качестве признанного, либо даже в качестве нежелательного образца для воспроизведения. Было доказано, что текст Библии является очень значимым текстом-образцом при текстопорождении художественных произведений как в английской, так и американской культуре [26, с. 18], чего не скажешь о художественных и иных текстах советского периода, когда существовал своего рода запрет на использование текста Библии в качестве текста-образца для воспроизведения. Такое отношение к Библии приводило к тому, что цитаты из Библии «при нашем современном невежестве к вопросам религии», как точно подмечала И.В. Арнольд, чаще всего не вызывают никаких ассоциаций, стимулирующих интеллектуальную деятельность [24, с. 74]. В результате огромный смысловой пласт произведений досоветского периода, содержащий ссылки на Библию, а также произведения зарубежных авторов не воспринимаются читателем в задуманном писателем русле.

Следуя учению Д.Б. Гудкова, мы выяснили, что прецедентные феномены обладают основными признаками прецедентности, к числу которых мы относим: инвариантность, эталонность, воспроизводимость, клишированность, аксиологическую маркированность.

Выделяются различные уровни прецедентности (социумный, национальный, универсальный) и, соответственно, разные прецедентные феномены (социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные). В число прецедентных могут включаться как невербальные, так и вербальные или вербализуемые феномены.

Таким образом, прецедентные феномены играют важную роль в формировании культурно детерминированных особенностей текстовой деятельности и социального (в том числе – речевого) поведения членов ЛКС.

1.2 Место прецедентных текстов в типологии прецедентных феноменов

Современное состояние лингвистического изучения интертекстуальности во многом связано с расширением предмета исследования, что потребовало введения специального понятия «прецедентные тексты». К их числу отнесены тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. Далее автор называет способы введения указаний на прецедентные тексты: цитату, название текста, имя автора или персонажа [2, с. 218], что значительно расширяет представления о формах присутствия «чужого слова» в интертексте. В концепции Ю.Н. Караулова к числу прецедентных текстов отнесены даже невербальные феномены: произведения архитектуры, живописи, музыки – это тоже своего рода «тексты», а их названия (Храм Василия Блаженного, картина

«Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и др.) составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков. При таком подходе текст представляется уже не как последовательность языковых единиц, а как некое организованное смысловое пространство, а прецедентность становится максимально широко понимаемым свойством коммуникации.

В созданной Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаевой [27, с. 112], теории прецедентных феноменов, которая может рассматриваться как важное звено в дальнейшем развитии теории интертекстуальности, выделяются следующие виды прецедентных феноменов:

1) Прецедентная ситуация, которая понимается как «некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означаящим прецедентных ситуаций могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, Ходынка, Смутное время) или непрецедентный феномен» [27, с. 47].

2) Прецедентный текст, который понимается как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу.... К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (например, «Евгений Онегин», «Война и мир»), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т.д. [27, с. 47].

3) Прецедентное имя, которое понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, Ломоносов) или более элементов (например, Куликово поле, Летучий голландец), обозначая при этом одно понятие» [27, с. 48].

4) Прецедентное высказывание, которое понимается как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, Не спится, няня! Кто виноват? Что делать? Ждем-с!), а также пословицы (например, Тише едешь – дальше будешь)» [27, с. 48-49].

В соответствии с представленной концепцией прецедентные феномены могут быть прецедентными для отдельного социума (например, для врачей, студентов, православных или пенсионеров), для нации (например, для русских, азербайджанцев или американцев) или быть универсальными, свойственными

многим культурам (например, Наполеон или Гамлет). Детальный анализ прецедентных феноменов, характерных для различных социумов (вплоть до узкого круга приятелей и даже отдельной семьи), представлен в публикациях В.В. Красных [3, с. 72] и Г.Г. Слышкина [12, с. 28],

При рассмотренном подходе представления о формах интертекстуальности становятся еще более широкими, однако следует подчеркнуть, что к концепции Д.Б. Гудкова, В.В. Красных и их соавторов, в отличие от концепции Ю.Н. Караулова, речь идет только о вербальных текстах.

Дискуссионным является вопрос о причислении к числу прецедентных феноменов фразеологизмов (особенно паремий) и метафорических моделей. Наиболее последовательным сторонником причисления метафорических моделей к числу прецедентных феноменов является Н.А. Кузьмина, в монографии которой этому виду прецедентности посвящена специальная глава [28, с. 76]. В настоящем исследовании вслед за А.П. Чудиновым [29, с. 89] и Е.А. Нахимовой [30, с. 91] метафорические модели и прецедентные феномены рассматриваются как близкие, но в то же время вполне самостоятельные явления, которые в одних случаях способны пересекаться, а в других - оказываются абсолютно автономными.

По справедливому замечанию А.Е. Супруна, взаимоотношения фразеологизмов и текстовых реминисценций очень сложны, и «есть достаточно оснований думать, что некоторые пословицы и поговорки возникли тоже из текстовых реминисценций, но затем предшествующие тексты были забыты» [31, с. 26]. Показательно, что фразеологизмы представлены как разновидность прецедентных феноменов в публикациях М.А. Алексеенко [32, с. 26], Ю.Б. Пикулевой [33, с. 87], Р.Л. Смулаковской [34, с. 110] и ряда других исследователей. Для такого подхода есть определенные основания: фразеологизмы и прецедентные высказывания действительно могут быть очень похожими и по структуре, и по значению, и по функции. Прецедентные феномены, как и фразеологизмы, относятся к числу единиц, воспроизводимых в речи. Однако в концепции Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаевой [27, с. 129]. фразеологизмы не включаются в число прецедентных феноменов, хотя при этом делается исключение для пословиц [2, с. 49].

В последние годы исследование интертекстуальности вышло за рамки литературоведческих изысканий и превратилось в одно из ведущих направлений в изучении культуры. Специфика интертекстуальности в политической коммуникации (как и в иных далеких от литературоведения сферах) привлекает все большее и большее внимание специалистов. В теории интертекстуальности остается еще много дискуссионных проблем, а поэтому необходимо точно обозначать позиции, которых тот или иной специалист будет придерживаться в своем исследовании.

Основываясь на понятии «прецедентность», включающем в себя известность большинству лингвокультурного сообщества, актуальность в познавательном и эмоциональном плане, постоянную возобновляемость в речи, возможно объединить разные классы имен собственных с широко известными

денотатами в одну группу. Это значит, что в ономастическом пространстве любой лингвокультуры можно выделить группу имен собственных, обладающих когнитивной и эмоциональной значимостью, то есть прецедентные имена собственные. В современной лингвистике активно обсуждается вопрос о критериях выявления прецедентных имен. В процессе дискуссии высказываются мысли о высокой значимости следующих факторов:

- связанность соответствующих имен с классическими произведениями;
- общеизвестность соответствующих феноменов или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества;
- При менее строгом отборе в качестве существительных рассматриваются также следующие критерии;
- регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах;
- неденотативность – использование того или иного имени в функции культурного знака.

При изучении указанных признаков необходимо учитывать тот факт, что функционирование прецедентных феноменов в различных типах дискурса может иметь существенную специфику. В частности, в массовой коммуникации могут использоваться только прецедентные имена, известность которых имеет общенациональный характер.

Использование прецедентных феноменов способствует повышению эффективности функции воздействия. Анализ дискурсивного функционирования прецедентных феноменов в заголовках поэтических произведений показал, что в качестве основных возможно выделить прецедентные имена: имена героев ранее известных произведений, названия явлений и событий, имена персонажей, названия произведений и имена их авторов, географические названия.

Г.Г. Слышкин понимает прецедентные тексты шире, сняв некоторые ограничения, выделенные Ю.Н. Карауловым. Речь идет о количестве носителей прецедентных текстов. Во-первых, по мнению Г.Г. Слышкина, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей – для малых социальных групп (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.). Во-вторых, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот). Тем не менее в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции (от позднелатинского *reminiscentia* – воспоминание) часто используются в дискурсе данного отрезка времени.

Таким образом, под прецедентным текстом он предлагает понимать любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы

или афоризма до эпоса. Прецедентный текст может включать в себя помимо вербального компонента изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм). Частые отсылки к тексту в процессе построения новых текстов в виде реминисценций есть показатели ценностного отношения к данному тексту и, следовательно, его прецедентности.

Следует различать микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие прецедентные тексты. Единственным классом, который необходимо исключить, является класс индивидуальных прецедентных текстов.

Прецедентные тексты непременно вписаны в идеологический контекст эпохи, в этом смысле они тесно связаны с феноменом жизненной идеологии, определяемой как вся совокупность жизненных переживаний и непосредственно связанных с ними жизненных выражений. Именно жизненная идеология вовлекает произведение в конкретную социальную ситуацию. Произведение связывается со всем содержанием сознания воспринимающих, интерпретируется в духе данного содержания, освещается им по-новому.

Под влиянием изменений в жизненной идеологии нации непрерывно меняется корпус национальных прецедентных текстов, прежние тексты вытесняются, на их место приходят новые. Идеологическому влиянию подвержен не только состав прецедентных текстов. Меняться может и отношение к способу их функционирования в дискурсе. Например, процесс общей демократизации литературы в 1860-70-х годах нашел отражение в широком распространении использования пословиц и крылатых выражений в качестве заглавий художественных произведений. До этого заглавия пословицы считались уместными лишь в драматических произведениях.

За каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Именно эта включенность в ассоциативные связи с другими языковыми концептами обуславливает регулярную актуализацию прецедентных текстов в различных видах дискурса. Эти ассоциативные связи называют аспектами прецедентности. Таковыми могут быть личность автора, принадлежность к исторической эпохе, сюжет, наиболее впечатляющие отрывки, величина текста, особенности авторской стилистики, история написания и т. д. В структуре концепта прецедентного текста могут быть выделены внутритекстовые (например, название, отдельные отрывки, имена персонажей) и внетекстовые (например, время и ситуация создания, отношение к тексту со стороны социальных институтов) аспекты прецедентности.

Наличие внетекстовых аспектов прецедентности является для единицы текстовой концептосферы обязательным, поскольку, формируя концепт, прецедентный текст непременно должен быть вписан в контекст прочих ценностей данной культуры, обретя с ними ассоциативную связь.

Усилению прагмалингвистического потенциала текстов заглавий англоязычных стихотворений для детей способствует активное употребление прецедентных имен. Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с

широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени.

Прецедентные феномены характеризуются многофункциональностью, так как в них заложены возможности переосмысления и насыщения текста новыми смыслами. Некоторые исследователи, такие как А.Е. Супрун, считают, что прецедентные феномены используются для осуществления определенных задач: эстетической или исторической, подтверждения правильности или ссылки на авторитет.

Г.Г. Слышкин выделяет четыре основные функции:

- номинативная функция – называние и вычленение фрагментов действительности и формирование понятий о них;
- персуазивная функция – использование прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения (ссылка на авторитет);
- людическая функция – игровые апелляции к концептам прецедентных текстов (часто производятся в начале общения, в ситуации установления контакта, задавая таким образом тональность всей последующей коммуникации);
- парольная функция – распознавание «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших» [12, с. 64].

Все варианты употребления прецедентных феноменов можно свести к одной основной функции – смыслопорождающей, поскольку используются они для достижения единственной цели – создания нового смысла. «Выполнение определенного назначения» достигается посредством:

- выражения авторского отношения;
- убеждения;
- ретроспекции (обращение к прошлому, обзор прошедших событий) и аккумуляции необходимой информации у читателя;
- коммуникации (которая включает и игру слов, и парольное обращение к прецедентному явлению).

Следовательно, в функциональной парадигме заглавий ключевой является номинативная функция заголовка, цель которой – передача содержательно-смысловой информации адресату. Важно подчеркнуть, что, являясь единицей коммуникации, заглавие всегда обладает определенным прагмалингвистическим потенциалом, направленным на воздействие на юного читателя. Реализация прагмалингвистического потенциала проявляется в регулярном использовании различных лингвистических маркеров, а также в функциях второстепенного плана, которые в определенной аранжировке могут способствовать усилению прагматического воздействия названных текстов, т. е. формируют интерес к тому или иному произведению и побуждают к конкретному действию – прочтению материала.

Прецедентные тексты значимы для личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известны многим, поэтому носят сверхличностный характер; обращение к прецедентным текстам происходит многократно в речевой практике данной личности. Как отмечалось ранее, ПТ хрестоматийны, широкая известность делает их реинтерпретируемыми в другие формы искусства. Прецедентный текст редко вводится в речь целиком, чаще – в свернутом виде – фрагментом, намеком. Отсылка к прецедентным текстам ориентирована не на обычную коммуникацию, она имеет прагматическую направленность, выявляя глубинные свойства языковой личности, обусловленные целями, мотивами, ситуационными интенциями.

Состав прецедентных феноменов подвижен. Одни прецеденты устаревают и выпадают из употребления, другие приобретают дополнительные смыслы и таким образом способствуют появлению новых прецедентных феноменов. Развитие общества, смена моральных ценностей также влияют на изменения в составе прецедентных феноменов. Отметим, что раньше прецедентными становились имена, выражения, ситуации, связанные с учеными (Эйнштейн, Ломоносов – прецедентные имена, «Эврика!» – прецедентное высказывание), художественными произведениями и историческими событиями (Титаник – прецедентное имя, актуализирующее прецедентную ситуацию, Жанна Д'Арк – прецедентное имя).

Сегодня с возросшей популярностью телевидения прецедентными становятся, скорее, названия масштабных телевизионных проектов, фильмов, заглавия книг, имена политиков и общественных деятелей. Например, имена политиков, ставшие прецедентными, – Назарбаев, Путин, Барак Обама. В приведенных выше примерах из прессы рассмотренные сюжеты не развертываются, представлены имплицитно, но без труда могут быть эксплицированы практически любым входящим в русское лингвокультурное сообщество.

Главная функция прецедентных феноменов – смыслообразующая, которая достигается посредством выражения авторского отношения, убеждения, коммуникации, ретроспекции и аккумуляции информации.

В данной работе мы обращались к исследованию вербальных или вербализуемых феноменов, относящихся к национально-прецедентным. Среди них мы выделили прецедентный текст, прецедентную ситуацию (вербализуемые феномены), прецедентное высказывание, прецедентное имя (вербальные феномены). Все они находятся в тесной взаимосвязи, при актуализации одного из этих феноменов может происходить и происходит актуализация сразу нескольких остальных.

1.3 Прецедентные тексты как маркеры этнокультурной картины мира

Как известно, этническая культура детерминирована характерной концептуализацией мира. В сознании индивида, как представителя

определенной этнокультурной общности, культура существует в форме национально-культурного пространства.

Национально-культурное пространство – это бытие культуры в сознании её носителей. Оно включает в себя все существующие представления о феноменах культуры у членов национального лингвокультурного сообщества. «Ядром» культурного пространства является когнитивная база (далее – КБ). В.В. Красных определяет ее как «структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета».

Основными компонентами когнитивной базы каждого лингвокультурного сообщества являются прецедентные феномены, которые и составляют его национально-культурную специфику. Прецедентные феномены функционируют в вербальном виде (прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст) и в вербализованном виде (прецедентная ситуация). О.А. Корнилов утверждает, что «вербализованная когнитивная база народа, состоящая из вербальных прецедентных феноменов, является неотъемлемой частью национальной языковой картины мира (далее – НЯКМ)» [35, с. 164].

Национальная языковая картина мира, по мнению А. Вежбицкой, одновременно отражает менталитет и формирует речевые стереотипы носителей языка [36, с. 92]. Она связана с существованием особых обычаев и общественных установлений, с особенностями системы ценностей, принятой в данной культуре. Феномен понимания и задача интерпретации текста являются фокусом, в котором сосредоточены самые разные подходы. В своем диалоге с автором романа читатель, наряду с трактовкой собственно авторских рассуждений, должен декодировать и диалог писателя с другими авторами, которых он цитирует или вспоминает всерьез или с иронией. При интерпретационном анализе текста особый интерес вызывают прецедентные феномены. Однозначного определения функций прецедентных феноменов и их количества не существует. Каждый исследователь предлагает свою версию.

Прецедентные феномены функционируют, будучи погруженными в некий культурный континуум или культуросферу, заполненную разнотипными и находящимися на разном уровне организации культурными образованиями, к которым принадлежит и текст.

Прецедентные феномены характеризуются полифункциональностью, так как в них заложены возможности переосмысления и насыщения текста новыми смыслами. Некоторые исследователи, такие как Г.Г. Слышкин, выделяют номинативную, персуазивную, людическую и парольную функции, другие; например А.Е. Супрун, считает, что прецедентные феномены используются для осуществления определенных задач: эстетической, кумулятивной или исторической, подтверждения правильности или ссылки на авторитет (или по терминологии Г.Г. Слышкина «персуазивной»). Н.А. Фатеева, рассматривая функции не конкретно прецедентных феноменов, а вообще интертекстуальности в художественном дискурсе, утверждает, что «интертекст (текст, полученный в результате использования прецедентных феноменов)

позволяет ввести некоторую мысль или конкретную форму представления мысли...» [37, с. 80]. Таким образом, выделяется еще одна, смыслообразующая функция. И.В. Арнольд сравнивает интертекст с вариантом выдвижения, а его функции отождествляет с изученными в стилистике декодирования функциями типов выдвижения. Выдвижением в стилистике декодирования называется такая организация контекста, которая фокусирует внимание читателя на важных элементах сообщения, устанавливает семантически и иерархически релевантные отношения между ними, усиливает эмоциональный, оценочный, экспрессивный потенциал текста, способствует передаче импликации, иронии и разных модальных оттенков.

Ж.Е. Фомичева выделяет всего лишь две взаимодополняющие функции интертекстуальных включений: контактоустанавливающую и функцию диалогизации. Контактостанавливающая функция цитат состоит в организации контакта между цитируемым и цитирующим текстами, в подготовке читателя к восприятию информации. Осуществляемая цитатными включениями функция диалогизации художественного текста рассматривается как потенциал диалогического взаимодействия интертекстуальных включений с цитирующим текстом, обеспечивающий передачу наряду с предметнологическим содержанием текста оценочной, образной, экспрессивной, эмоциональной и эстетической информации [38, с. 10].

Так, для рассмотрения прецедентных феноменов с точки зрения взаимодействия авторского и «чужого» слова, которое можно понимать как оценочное отношение субъекта речи (а через него и автора) к действительности, выраженное при помощи чужих высказываний и в диалоге с ними, целесообразно использовать понятие модальности. Текстуальная модальность, в отличие от традиционного лингвистического понимания этого явления как грамматической или семантической категории, субъективна и проявляется как контраст с фрагментами объективного отражения реальности.

В случае, когда прецедентный текст используется как «пароль» при передаче «кода» в общении, мы можем говорить о коммуникативной цели функционирования прецедентного явления. Она проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию. Эту цель выполняют преимущественно лозунги, девизы, или фразы, используемые в средствах массовой информации, в рекламе или фильмах, которые могут быть использованы в устной речи.

Современные трактовки понятия «текст» опираются на большое количество исследований. Имея все основания на собственный когнитивный статус, теория текста как филологическая дисциплина возникла во второй половине XX века, одновременно распавшись на несколько направлений – структурное, коммуникативное и лингвокультурологическое.

Изучение вопросов, затрагивающих лингвокультурологическую сущность дискурса, направлено на освещение особенностей менталитета народа,

обусловленных его историей и отраженных в его языке, в прецедентных текстах в частности. Такой подход к дискурсу как к феномену культуры характерен для взглядов Ю.Н. Караулова. Считая неправомерным связывать прецедентный текст только с художественной литературой, Ю.Н. Караулов относит к этой категории мифы, предания, устно-поэтические произведения, библейские тексты, притчи, анекдоты, сказки, публицистические произведения, знание которых является показателем принадлежности к определенной эпохе и её культуре, в то время как отсутствие этого знания означает отторжение от соответствующей культуры. Автор отличает такое характерное свойство прецедентного текста, как реинтерпретируемость, которая обуславливается их хрестоматийностью и общеизвестностью. Согласно данной теории, существует три способа функционирования прецедентных текстов: натуральный, вторичный и семиотический; при этом интерес для исследователей представляет последний – семиотический способ.

Приём ввода в дискурс языковой личности прецедентного текста Ю.Н. Караулов сравнивает с языковой номинацией; при этом имя соотносится с представлением о денотате или сигнификате, понятие – с семантическим полем, а заглавие, цитата и имя персонажа или автора – с прецедентным текстом. Эта схема позволяет практически проиллюстрировать номинативную природу данного соотношения.

Например, при восприятии имени персонажа актуализируется, так или иначе, весь прецедентный текст. Упомянутые выше способы ввода прецедентного текста Ю.Н. Караулов соотносит со следующими типами:

- 1) типовые структурные схемы предложений, или «паттерны»;
- 2) генерализированные высказывания, отражающие основные узлы и особенности устройства индивидуальной и соответствующей социальной картины мира;
- 3) знаки, символы, намеки, фактически приравнивающие текст к слову.

Анализируя современную русскоязычную художественную прозу, Ю.Н. Караулов производит оценку обращения того или иного персонажа к прецедентным текстам, классифицирует тексты, введенные в дискурс героя, и определяет их типологию.

На основании полученных данных прецедентные тексты характеризуются как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, которые используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактического» контекста мысли в «ментальный», а, возможно, и обратно» [2, с. 218-235].

Большую практическую ценность для развития теории интертекстуальности имеет составленная Ю.Н. Карауловым классификация прецедентных текстов как особого приема создания художественного образа.

Лингвокультурный концепт прецедентного текста, а также собственно концепты прецедентного текста и их реминисценции рассматриваются в монографии Г.Г. Слышкина «От текста к символу: лингвокультурные концепты

прецедентных текстов в сознании и дискурсе». Объективным показателем значимости прецедентного текста автор называет отсылку к нему. Отсылка или текстовая реминисценция (в терминологии А.Е. Супруна) возможна при соблюдении следующих условий:

- 1) Осознанность адресантом факта реминисценции.
- 2) Знакомство адресанта с исходным текстом и его способность распознать отсылку к нему.
- 3) Наличие у адресанта прагматической пресуппозиции, знание адресантом данного текста.

Устанавливается пять разных видов реминисценций: упоминание, прямая цитация, квазичитация, аллюзия и продолжение. При этом упоминанием считается прямое воспроизведение языковой единицы, являющейся именем соответствующего текстового концепта, а прямой цитацией – дословное воспроизведение части текста или всего текста при отсутствии ссылки на источник цитирования; под квазичитацией понимается воспроизведение части или целого текста в умышленно искаженном виде; под аллюзией Г.Г. Слышкин подразумевает наиболее трудноопределяемый вид текстовой реминисценции, состоящий в соотнесении предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части; наконец, продолжение определяется как текстовая реминисценция, в основе которой лежат художественные тексты, используемые профессиональными писателями.

Осуществляя концептологическую классификацию прецедентных текстов, Г.Г. Слышкин основывается на следующих признаках:

- носитель прецедентности;
- текст-источник;
- инициатор усвоения;
- степень опосредованности.

Г.Г. Слышкин отмечает, что наиболее традиционным является вид классификации по тексту-источнику. При этом классифицируются сами произведения, ставшие прецедентными. Мы разделяем точку зрения Г.Г. Слышкина на то, что к прецедентным текстам могут быть применены любые типологии, составленные для обычных текстов, поскольку прецедентным может стать любой отвечающий жизненной идеологии эпохи текст. Г.Г. Слышкиным замечено, что к прецедентным текстам чаще всего применяется жанровая классификация [12, с. 73].

При рассмотрении инициатора усвоения прецедентных текстов представляется особо важным замечание Г.Г. Слышкина о текстовом насилии, под которым понимается «усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом» [12, с. 73]. Основными способами осуществления текстового насилия автор считает директивный (посредством включения текста в школьную программу) и паразитической дополнительной (рекламные и плакатно-лозунговые единицы); при этом тексты, репродуцируемые способом паразитической

дополнительности, становятся более актуальными для языкового сознания носителей лингвокультуры. В связи с этим представляется уместным привести высказывание В.Н. Телия о том, что видоизменение категориального пространства культурных дискурсов неизбежно ведет к мутации менталитета [39, с. 252].

Дальнейшее развитие теория прецедентных текстов получает в монографии Г.Г. Слышкина «Лингвокультурные концепты и метаконцепты» [12, с. 57], где уделяется большое внимание анализу прецедентных феноменов, формирующих в рамках лингвокультуры прецедентную концептосферу. Автор увеличивает количество функций, выполняемых концептами прецедентных феноменов в процессе коммуникации, и приводит следующий список:

- экспрессивно-декоративная;
- экономии речевых средств;
- парольно-идентифицирующая;
- персуазивная, или авторитирующая;
- людическая, основанная на речевой игре;
- эвфемистическая.

Г.Г. Слышкиным выделяются два типа концептов прецедентных феноменов, закрепленных в сознании и служащих для экземплификации мышления и коммуникации:

- 1) концепты единичных прецедентных феноменов;
- 2) концепты прецедентных миров.

При этом к первому типу относятся прецедентные личности, события, артефакты, географические объекты и животные; второй тип закрепляет существование более сложных элементов прецедентной концептосферы, которые «могут быть плодом авторского воображения и входить в сознание носителей культуры в результате знакомства с художественными текстами. В этом случае они формируют метаконцепты прецедентных текстов» [12, с. 154].

Итак, отметим, что, продолжая оставаться в центре интересов лингвистов, теория текста постоянно обогащается новыми исследованиями. При попытке глубже проникнуть в природу феномена прецедентности привлекаются экстралингвистические области знаний: психология, логика, философия, антропология и другие дисциплины. Это свидетельствует о наличии интегрального подхода к специфике изучаемого материала. Вместе с тем положение дел осложняется отсутствием целостной теории прецедентного текста и многообразием привлеченных терминов. В связи с этим наиболее конструктивным нам видится признание за прецедентным текстом статуса знака, что позволит провести более полный структурно-семантический анализ, а также учесть экстралингвистические факторы.

Рассмотрев способы существования и отражения прецедентных текстов, перейдем к анализу форм их функционирования. В вопросе о том, что считать формами функционирования прецедентного текста, у лингвистов не наблюдается больших разногласий. Учитывая результаты исследований, логично выделить следующие основные формы: фразеологические единицы,

паремии, цитаты, крылатые слова, детские стихи, загадки и считалки, песни, кино- и телетексты.

Перед тем, как начать описание *фразеологической единицы* в качестве одной из форм функционирования прецедентного текста, необходимо определить, что понимается под фразеологической единицей в контексте нашей диссертации и какие фразеологические единицы в полной мере соответствуют требованиям прецедентности. Учитывая существование различных точек зрения в отношении объема фразеологического состава языка, мы полагаем, что узкое понимание фразеологии как системы идиом, то есть «раздельнооформленных единиц языка с полностью или частично переосмысленными значениями», позволит провести четкую границу между формами функционирования прецедентных текстов. По мнению В.И. Карасика, фразеологические единицы относятся к числу ярких социолингвистических индексов языковой личности и в прагматическом смысле используются как в личностно-ориентированном, так и в статусно-ориентированном общении, обеспечивая клишированность дискурса [40, с. 17].

По справедливому утверждению Дж. Лакоффа, «точно так же, как существуют заметные различия между говорящими в отношении деталей грамматических правил и очень большие различия в словаре, существуют и различия в образах, ассоциируемых с идиомами» [41, с. 582]. Существование таких идиом, чей образный смысл непонятен или не вполне понятен для определенной части говорящих, обуславливает необходимость их исследования в рамках антропологической парадигмы, поскольку, как утверждает В.Н. Телия, во фразеологическом составе языка запрограммировано участие языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры [39, с. 9].

Соотнесение языковой семантики с кодами культуры выделено в самостоятельное направление исследований. Так, лингвострановедческая теория языка, разработанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, базируется на изучении кумулятивной функции языка, состоящей в накоплении и сохранении экстралингвистической информации в виде фоновых знаний [42, с. 172].

Г.Д. Томахин поясняет, что фоновые знания в широкой трактовке – это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения [43, с. 4].

Термин *пословично-афористическое речение* предполагает распространение его на два разряда единиц: пословицы и афоризмы. Пословица – это разряд паремий, обладающих образной мотивировкой значения. Отличительными признаками пословицы являются краткость структуры, устойчивость в речевом обиходе, ритмическая организованность и назидательный характер в плане содержания [44, с. 13-33].

В отличие от пословицы, афоризм (изречение, в лаконичной форме выражающее обобщенную, законченную мысль) обладает прямой мотивировкой значения [45, с. 61]; ему не свойственна переосмысленность,

характерная для пословицы; все его компоненты, или их большинство выступают в своих прямых значениях.

Паремии же в силу своего происхождения не все являются носителями прецедентности. Некоторые исследователи вообще не придают паремиям статус прецедентных текстов. Так, например, В.Н. Телия относит к прецедентным текстам только крылатые выражения и сентенции [39, с. 238].

Новые формы обмена информацией в современном обществе обуславливают выдвижение на первый план массовой культуры как источника и поставщика прецедентных текстов. В.П. Руднев утверждает, что массовой культуре свойственна ориентация на среднюю языковую семантическую норму и на простую прагматику по причине обращения к огромной читательской, зрительской и слушательской аудитории [46, с. 156]. Печатные и электронные средства массовой информации, телевидение, реклама и кинематограф настолько глубоко проникают в массовое сознание, что продуцируют интертексты [46, с. 156]. Ю.Б. Пикулева, проведя статистический анализ появления в рекламе прецедентных феноменов из разных культурных сфер, определила следующую их частотность в порядке убывания [33, с. 24]:

- 1) кинематограф;
- 2) эстрада, театр, цирк;
- 3) художественная литература;
- 4) фразеология и афористика;
- 5) обычаи, традиции, быт;
- 6) всемирная история и политика;
- 7) фольклор;
- 8) телевидение и радио;
- 9) искусство;
- 10) спорт;
- 11) классическая музыка;
- 12) наука;
- 13) религия;
- 14) мода;
- 15) мифология.

Доминирование кинематографа в этом списке не случайно, так как он стал одним из главных объектов культурной действительности. Концепты киномиров усваиваются сознанием массового потребителя, присутствие кинотекстов в дискурсе современника становится устойчивым явлением. Чаще всего прецедентные тексты отсылают к культовым произведениям, чья широкая известность и проверка временем обеспечивает концептуализацию прецедентного феномена.

Следует отметить, что фразеологизмы, паремии, крылатые слова и цитаты – активируют в сознании реципиента хранящиеся в его памяти сюжеты прецедентных текстов. Входя в актуальную культуру народа, такого рода единицы обязательно что-нибудь символизируют, приобретая таким образом черты знака и переходя из сферы содержания в область кода. Поэтому они

называются знаками прецедентных текстов. При этом формы функционирования прецедентных текстов обусловлены сценарием дискурса, в рамках которого происходит их воспроизведение и восприятие.

ПФ играют особую роль в хранении и презентации культурной информации, в них материализуются, овеществляются ключевые концепты национальной культуры и национального сознания.

Таким образом, прецедентный текст как элемент культурной памяти народа регулярно используется для создания других текстов. Прецедентные тексты маркируют речь, придавая ей кодированную форму, дешифровка которых возможна при наличии знаний социокультурного контекста.

В когнитивную базу прецедентный феномен (ПФ) входит не во всем многообразии своих характеристик, но в минимизированном, редуцированном виде; представление о каждом из подобных феноменов включает в себя весьма ограниченный набор его дифференциальных признаков и присущих ему атрибутов, остальные же отбрасываются как несущественные. Получающееся в результате национально-детерминированное минимизированным представлением (далее – НДМП) является продуктом специфического для каждой культуры алгоритма минимизации «культурных предметов». НДМП, присутствующее в когнитивной базе лингвокультурного сообщества может отличаться от представления того же самого феномена, которое находится в индивидуальном когнитивном пространстве того или иного члена этого сообщества, но последний в своей коммуникативной деятельности опирается не столько на личное представление, сколько на общенациональный инвариант. НДМП достаточно редко эксплицируются носителями языка в своей речи, но постоянно актуализируются при помощи определенных вербальных указаний на них. Эти представления оказываются составляющими макропресуппозиции многих коммуникативных актов.

Корпус ПФ, вернее, представлений о них, с одной стороны, отражает, а с другой – задает шкалу ценностных ориентаций ЛКС и парадигму социального поведения членов этого сообщества, что, в свою очередь, находит отражение в речевой практике последних и в текстах соответствующей культуры. Сказанное определяет то, что без владения такими представлениями весьма затруднительно адекватно участвовать в коммуникации на языке того сообщества, в когнитивную базу которого они входят.

В настоящей главе прецедентные феномены рассмотрены как фрагмент лингвокультурологической парадигмы знаний. С позиций различных учений о прецедентных феноменах проанализирована их семантика и структура. Определено место прецедентных текстов в типологии прецедентных феноменов.

Существуют некие знания и представления о «культурных предметах» являющиеся достоянием практически всех, для кого русский язык является родным. Подобные «культурные предметы» вслед за Д.Б. Гудковым мы назвали прецедентными феноменами и выделили среди них вербальные или вербализуемые и невербальные.

Прецедентные феномены обладают основными признаками прецедентности, к числу которых мы относим: инвариантность, эталонность, воспроизводимость, клишированность, аксиологическую маркированность.

Выделяются различные уровни прецедентности (социумный, национальный, универсальный) и, соответственно, разные прецедентные феномены (социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные). В число прецедентных могут включаться как невербальные, так и вербальные или вербализуемые феномены.

Рассмотрен вопрос о прецедентных текстах как маркерах этнокультурной картины мира. Прецедентные феномены функционируют, будучи погруженными в некий культурный континуум или культуросферу, заполненную разнотипными и находящимися на разном уровне организации культурными образованиями, к которым принадлежит и текст.

Проанализировано освещение феномена прецедентных текстов в современной лингвистике и лингвокультурологии. Отмечено, что, как всякий знак, такой знак-текст может воспроизводиться многократно, интерпретируясь в процессе развития. Приведена классификация прецедентных текстов и условия возникновения прецедентности; перечислены функции, выполняемые концептами прецедентных феноменов.

Сделан вывод о том, что проблему прецедентных текстов необходимо рассматривать с учетом синтеза социо- и лингвокультурных аспектов, а также информационного многообразия современной культуры.

Отмечено, что, входя в актуальную культуру народа, фразеологизмы, цитаты и другие активно используемые выражения обязательно что-нибудь символизируют, приобретая, таким образом, черты знака и переходя из сферы содержания в область кода. Поэтому они получают название «знаки прецедентных текстов». При этом форма функционирования знаков прецедентных текстов обусловлена характером дискурса, в рамках которого происходит их воспроизведение и восприятие.

Подчеркнуто, что знаки подобных текстов, маркируя речь, придают ей специфическую кодированную форму, а также становятся символами лингвокультурного кода, с помощью которых устанавливается однотипное социальное отношение к выраженному смыслу.

2 Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе

2.1 Функционирование прецедентных текстов в публицистическом дискурсе

Функционирование прецедентных текстов (далее – ПТ) в современном публицистическом дискурсе имеет свою специфику: как и другие единицы интертекстового пространства, ПТ участвуют в смыслообразовании медиа-текстов или выступают как дополнительный прием актуализации заданных

смыслов. В любом случае их роль гораздо более значима, чем роль простого стилистического приема, призванного «оживить» публицистическое произведение, занимая позицию экспрессивного средства в паре «стандарт-экспрессия». Прецедентные тексты наравне с другими культурными кодами, участвуют в формировании языковой картины мира автора-журналиста и читателя; они могут стать «диагностическими маркерами» мотивационного уровня языковой личности – ее ценностного универсума. Более того, анализ обращения к ПТ (с учетом их качественного состава) может быть одним из составляющих компонентов, позволяющих представить имидж конкретного печатного органа (газеты или журнала) или интернет-ресурса, если рассматривать последний как референтную группу журналистов-единомышленников, объединенных общностью прагматических критериев и оценок, с которыми они подходят к фактам действительности. Безусловно, прецедентные тексты составляют значительную часть лингвокультурного тезауруса представителя определенной этнической общности, а значит, и его апперцепционную базу в интерпретативном процессе. В современной постмодернистской культурной парадигме, с ее тяготением к «цитатному мышлению» и «цитатному письму», ПТ оказываются «востребованными» как в творческой деятельности журналиста, так и при интерпретации публицистических текстов читателем – равноправным «сотворцом» этих текстов.

Когнитивный аспект изучения ПТ связан с поисками ответов на вопросы о механизмах их хранения в вербальной памяти индивида и способах актуализации в том или ином дискурсе. В.Г. Костомаров рассматривает механизм образования прецедентных текстов как процесс «свертывания», редукции текста-источника до отдельного слова, словосочетания или фразы. В таком виде ПТ и хранятся в памяти носителей языка. Обратный процесс, связанный с актуализацией рассматриваемых единиц, подчиняется механизму «экфории» (термин Н.А. Рубакина) – «оживления накопленного опыта по одной детали [47, с. 99]. В качестве подобной детали выступают прецедентное слово, словосочетание, предложение, текст» [48, с. 139]. В более широкий контекст когнитивных явлений вписывает прецедентный текст Л.А. Шестак, отмечая, что когнитивной основой хранения и воспроизведения прецедентных текстов являются механизмы апперцепции – сохранения следов прошлого опыта в виде знаний индивида, лингвокреативного мышления, обеспечивающего «выводное знание» из логических причинно-следственных, условно-следственных, временных конструкций (еще не вечер – еще есть время, а значит, возможность, шанс исправить ситуацию) [49, с. 33].

Наиболее важными выводами, касающимися прагматического аспекта прецедентных текстов, представляются учения Ю.Н. Караулова [50, с. 203] и А.Н. Баранова [51, с. 6]. Называя прецедентные тексты «готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками», Ю.Н. Караулов [50, с. 220] тем самым подчеркивает «двуипостасность» этих единиц. С одной стороны, они содержат некоторые знания о мире (пусть даже в виде «мыслей о мыслях»), и

значит, участвуют в формировании когнитивного уровня языковой личности; с другой, – в своем функционировании – представляют высший, мотивационный, прагматический уровень языковой способности. Ведь прецедентные тексты «используются как критерий оценки и сравнения, как аргумент в дискуссии, к ним прибегают для демонстрации преимущества перед партнером в диалоге (например, когда упоминается «текст», который как бы все должны знать, а партнер по диалогу не знает) или для подтверждения принадлежности коммуникантов к одному и тому же речевому коллективу или социально-культурному слою. Нередко апелляция к прецедентному тексту служит для говорящего своеобразным способом самооценки» [2, с. 44].

Еще одно положение, выдвинутое Ю.Н. Карауловым и касающееся одного из способов использования ПТ в дискурсе языковой личности, а именно – референтного, открывает для нас перспективы «диагностирования прецедентностью» не только отдельной языковой личности, но и целого коллектива людей, например, журналистов, работающих в одном печатном органе. Суть названного способа ввода ПТ в дискурс состоит в том, что за счет обращения к прецедентным текстам (особенно к прецедентным именам) языковая личность как бы расширяет рамки своей референтной или антиреферентной группы. Прецедентные тексты как единица языковой способности активно используется при реализации регулятивной, воздействующей функции языка.

Так, А.Н. Баранов нетрадиционно рассматривает ситуацию речевого воздействия как «взаимодействие моделей мира реципиента и автора, как диалог на базе материальной проявленности текста» [51, с. 5-7]. Хотя тип текста-посредника в общении между автором и реципиентом не определяется, но предложенная модель взаимодействия и взаимовлияния автора и адресата (реципиента) коррелирует и с нашими представлениями о создании и интерпретации любого текста, в особенности публицистического, где зависимость создателя текста от массового читателя является довольно жесткой.

Будучи культурным знаком, прецедентный текст оказывается вовлеченным в лингвокультурологическую парадигму научных исследований.

Прецедентные тексты составляют довольно большую часть национального языкового сознания и «способность оперировать подобными текстами является одной из составляющих владения родным языком». Эта способность – результат развития языковой личности в определенной культурной среде. Для носителя языка любой аллюзии к прецедентному тексту оказывается достаточно, чтобы идентифицировать заключенный в нем символический смысл, «лингвокультурный концепт» (термин Г.Г. Слышкина). В то же время инолингвам такая «операция» оказывается не по силам, если данный слой культуры изучаемого языка не освоен ими параллельно с овладением грамматикой и лексикой. Таким образом, и в лингводидактике интерес к прецедентным текстам достаточно велик, и думается, что в перспективе эта проблема будет освещена в методическом аспекте.

Природа и функциональная значимость прецедентных текстов базируются на межтекстовом взаимодействии, на возможности языковой личности при порождении собственных речевых произведений обращаться к «чужому слову». Однако прецедентный текст не единственный «знак» «чужого слова». Он – лишь один из таких «знаков». Наряду с ним в изучение и обсуждение проблем межтекстовых связей оказались вовлеченными такие понятия и термины, как: цитата, крылатое слово, аллюзия, реминисценция.

После того, как понятие «прецедентный текст» было введено в научный обиход [50, с. 204], в его «судьбе» наметились три направления: 1) большинство исследователей, оперирующих этим термином, называют прецедентными текстами только тексты художественной литературы; 2) это понятие вовсе игнорируется, и в работах, описывающих «чужую речь», всё называется «крылатыми словами»; 3) другая «крайность» – все похожие, но не идентичные понятия называют прецедентными текстами (цитаты, крылатые слова, речения, аллюзии, реминисценции, паремии).

В последнее время публицистика меняет форму, содержание, способы получения и подачи информации, средства воздействия на аудиторию. В наши дни ценностные, этические ориентировки характеризуются более свободным отношением к принятым нормам. Рекламность, конкурентоспособность, желание «заполучить» широкую читательскую аудиторию – примета современных СМИ – влияют на характер самой публицистики. Традиционная трактовка публицистического стиля как соединяющего в себе стандартность в изложении материала и экспрессивность претерпевает трансформацию сегодня: «Специфика современного состояния стилистического облика прессы представляется как процесс деконструкции, когда нарушается привычное соотношение стандарта и экспрессии в тексте и обновляется содержание этих понятий: экспрессивные средства приобретают интеллектуальную напряженность, стандартные становятся источником игрового трансформирования и участвуют в формировании выразительных средств. Смысл по линии стандарт-экспрессия оказывается нефиксируемым. Динамические процессы внутри стиля связаны с изменениями как в содержании функций самих систем коммуникации, так и в речевой практике, отреагировавшей на процессы, происходящие в обществе» [50, с. 11].

Изучение прецедентных текстов как средства воздействия на адресата газетного и интернет текстов целесообразно проводить на материале заголовков, так как именно заголовок является рекламой текста, магнитом, притягивающим к себе внимание читателей. Известно, что 80% читателей ограничиваются прочтением заголовков. Экспрессивный заголовок помогает принять решение – читать или не читать данный текст. Из-за невыразительного, сухого заголовка может оказаться непрочитанной важная или интересная информация. Заголовок не просто называет текст, он устанавливает связь между автором и читателем, помогает уловить идейно-тематическое содержание статьи; это прагматическая единица, непосредственно воздействующая на восприятие читателя. Важность заголовка в плане воздействия на читателя

определяется тем, что он занимает стилистически сильную позицию. Именно этот компонент произведения привлекает наибольшее внимание, и информация, заложенная в нем, усваивается в первую очередь.

Б.Г. Бобылев рассматривает заголовок статьи как своеобразное зерно логической структуры, «свернутую пружину», развертывание которой дает в итоге весь текст работы» [52, с. 83]. По О.Б. Сиротиной, заголовок – это конденсация содержания текста; он называет тему и содержит его оценку, программируя соответствующее этой оценке восприятие текста; в нем заложен код стиля заметки. Это связано «с психофизиологическим механизмом «планирующего синтеза», «упреждения» текста, так как рождение замысла и тема определяют функции элементов текста» [53, с. 125]. Заголовок, по мнению Э.А. Лазаревой, – это своеобразный элемент произведения, имеющий двойственную природу [54, с. 85]. С одной стороны, это языковая структура, предваряющая текст, стоящая «над» ним и перед ним. Поэтому заголовок воспринимается как речевой элемент, находящийся вне текста и имеющий определенную самостоятельность. С другой стороны, заголовок – полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами целостного произведения. Наряду с началом, серединой, концом он составляет определенный план членения текста – пространственно-функциональный, или архитектонику текста.

На отбор языковых и речевых средств влияют и внешние, и внутренние факторы. К внешним, экстралингвистическим факторам относятся характеристики самого печатного издания: предназначенность для массовой аудитории, оперативность создания и «потребления» текста, периодичность выпуска издания, коллективное авторство и т.п. К внутренним, лингвистическим факторам относятся те средства языка и речи, которые нацелены на формирование информативной и воздействующей сторон высказывания.

В совокупности эти факторы подчинены коммуникативной задаче публицистического текста. Преследуя цели воздействия на читательскую аудиторию, журналист создает материалы яркие, емкие, постоянно прибегает к созданию не только новых слов, но и новых, необычных сочетаний слов, преобразований фразеологизмов, синтаксических конструкций.

Творческий потенциал и даже талант журналиста раскрывается не столько в его способности создавать какие-то ни было яркие образы, сколько в умении постоянно варьировать и трансформировать имеющийся в его распоряжении языковой материал. Газетный (или интернет) текст должен восприниматься легко и быстро, независимо от возраста, профессии и образования читателя. Из этого следует, что общепонятность и общедоступность употребляемых в газете языковых средств является постоянным ориентиром в речетворческой деятельности журналиста. Жесткая прагматическая установка газеты на общедоступность текста отличает массовую коммуникацию от других функциональных стилей.

Как прагматическая единица, заголовок служит и для передачи интеллектуально-информационного содержания, и для воздействия на эмоционально-волевую сферу психики и поведения получателя информации. Газетный заголовок выполняет также графически-выделительную, номинативную, рекламную, композиционную функции, которые взаимодействуют друг с другом. Однако главное назначение заголовка – экспрессивное воздействие на читателя. Указанные особенности заголовка позволяют определить его как прагматическую единицу, так как «прагмалингвистика для эффективного осуществления своей основной цели создания модели языка как средства воздействия нуждается в выделении и особой специфической системы прагмалингвистических единиц» [55, с. 33].

Исходя из того положения, что газетная публицистика является лабораторией речи, в ней можно выделить авторские стилистические приемы создания экспрессивных функций (ЭФ), заимствованные из арсенала художественной литературы и собственно публицистические. К первой группе выразительных приемов относятся такие, как: «ритм и рифма, алогизм, намеренная недосказанность, ... метафора, синекдоха, лексический повтор, ... отступление от ожидаемого, метонимия, сравнение, образный перифраз, гипербола, антитеза, фонетические, орфоэпические, орфографические отклонения, индивидуально-авторские, нестандартные сочетания, фигуры поэтического синтаксиса» [56, с. 31]. Вторую группу составляет набор средств, выработанный журналистами, для воздействия на восприятие информации газетного текста адресатом. К собственно публицистическим средствам, реализующим ЭФ, относится широкое использование прецедентных текстов, опирающихся на различные источники: пословицы и поговорки, фразеологизмы, литературные произведения, песни советской эпохи и современные популярные песни, фразы из кинофильмов, революционные фразы, телевизионные программы и реклама.

Таким образом, взяв за основу учения Ю.Н. Караулова и А.Н. Баранова, мы можем убедиться, что с одной стороны, прецедентные тексты участвуют в формировании когнитивного уровня языковой личности; с другой, – в своем функционировании ПТ представляют высший, мотивационный, прагматический уровень языковой способности.

Прецедентный текст – это текст, являющийся элементом культурной памяти народа и регулярно используемый для создания других текстов. Следовательно, при использовании их в речи прецедентные тексты обладают большой долей экспрессии, а также культурным авторитетом у носителей языка, так как они «отсылают» читателя (слушателя) к знакомым, как правило, вызывающим положительные эмоции источникам, они «заставляют» вспомнить популярные тексты, любимых героев, забавные диалоги, общеизвестные анекдоты и т.д. Соответственно источниками прецедентных текстов являются известные литературные произведения, популярные песни, распространённые пословицы и поговорки, общеизвестные художественные и

мультипликационные фильмы, рейтинговые телепередачи, часто повторяющиеся рекламные тексты и пр.

Перечисленные особенности прецедентных текстов определяют функции использования их в речи: привлекают внимание, усиливают экспрессивность, создают дополнительные смыслы, увеличивают выразительность создаваемых с помощью прецедентных текстов новых текстов.

В массовой коммуникации частотным оказывается использование прецедентов именно в сильной позиции, которую занимают заглавия и заголовочный комплекс в целом. При этом заголовок является не просто словом, словосочетанием или конструкцией, а прагматической единицей, непосредственно воздействующей на восприятие читателя.

2.2 Заголовочные конструкции как инструмент лингвокультурной интерпретации прецедентных текстов

Прецедентные тексты особенно актуальны для газетной коммуникации. Это связано с тем, что речевой облик современных СМИ напоминает «игровое поле», а «чтение превращается в увлекательную забаву по разгадыванию связей между «сброшенными» на одно поле фишками из разных игр» [57, с. 19]. Пишущие журналисты намеренно переходят к «тексту – игре»: чтобы быть востребованным, необходимо владеть способами создания интересного материала для разного читателя, необходимо установить диалог с ним. «Журналист, переводя действие в разряд игры, рассчитывает на участие в ней читателя-партнера, разбрасывает по тексту знаки, вовлекающие в процесс чтения и увлекающие красотой игры» [57, с. 30].

Б.В. Кривенко выделяет два основных типа трансформации фразеологизмов в языке газеты: неаналитический (семантический) и аналитический [58, с. 42]. С некоторыми изменениями эту классификацию можно использовать и для анализа ПФ. В данной работе предлагается новая классификация ПФ, составленная на основе классификации Б.В. Кривенко.

При семантической трансформации состав ПФ остается неизменным: в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный экспрессивный эффект.

Аналитическая трансформация представлена пятью основными типами:

- 1) синтаксическая трансформация – утвердительная конструкция может быть заменена отрицательной и наоборот, повествовательное предложение может быть заменено вопросительным, может происходить замена видов синтаксической связи;
- 2) при лексической трансформации объектом манипуляции является слово. Слово или несколько слов либо добавляются в устойчивое сочетание, либо опускаются. Чаще всего происходит замена компонентов фразеологизма, которая в одних случаях носит прямой смысл, в других – сопровождается эффектом аллюзии; сюда же можно отнести

парономазию ПФ, которая основана на использовании паронимов. В некоторых случаях этот прием близок шутке, каламбуру;

- 3) контаминация – это соединение частей разных, но близких по смыслу ПФ. Контаминация ПФ может быть ярким экспрессивным приемом;
- 4) стилистические смешения – это побочный эффект лексической трансформации, при которой заменяется слово с контрастным стилистическим качеством.

Очевидно, что эта классификация является более полной, чем ранее рассмотренные. Несомненно удачным является разделение на аналитический и неаналитический типы, хотя является спорным тот момент, что Б.В. Кривенко не относит парономазию ПФ именно к лексической трансформации, хотя, очевидно, это было бы правильнее. Классификации ПФ по характеру источника предлагаются различными авторами (Е.А. Земская и др.) [59, с.163].

Наиболее полной, по нашему мнению, является классификация ПФ по характеру источника, предложенная Г.Г. Слышкиным [12, с. 56].

Г.Г. Слышкин предлагает следующую классификацию источников ПФ: 1) политические плакаты, лозунги и афоризмы; 2) произведения классиков марксизма-ленинизма и руководителей советского государства; 3) исторические афоризмы; 4) классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию; 5) сказки и детские стихи; 6) рекламные тексты; 7) анекдоты; 8) пословицы, загадки, считалки; 9) советские песни; 10) зарубежные тексты. Итак, существуют разные классификации ПФ, в основу которых положены различные критерии (способ трансформации, характер источника и др.). Использование различных классификаций ПФ поможет рассмотреть особенности функционирования ПФ в различных дискурсах.

Приведем примеры:

– *«Саммит одной фотографии»* (Tengrinews, 28.08.2014) – о том, как журналисты вместе с охраной президентов нескольких государств по залам бегали из-за постоянного переноса одной общей пресс-конференции по итогам саммита с участием лидеров "евразийской тройки", президента Украины и представителей ЕС;

– *«Издержки недоверия»* («Казахстанская правда», 27.10.2014) – о проверки одного госучреждения, в процессе которой выявилось большое количество «мертвых душ»;

– *«Культуру, мать вашу, охранять нужно»* («Мегаполис», 02.09.2015) – о фактах вандализма и охране культурных памятников;

– *«Шустри, как свеженькая келин»* («Мегаполис», 23.02.2015) – о нелегкой доле сегодняшних келинок, живущих по жизненным принципам енешек старого света;

– *«Выборы президента: кто на новенького»* («Мегаполис», 09.03.2015) – о выдвигаемых кандидатурах на пост главы государства в связи с досрочными выборами в Казахстане;

– «*Ну, ты и ФИФА!*» – о том, как президент ФИФА Йозеф Блаттер встретился с делегацией Федерации футбола Казахстана (ФФК);

– «*Форс-мажор*» («Экспресс К», №55, 28.03.2015) – о жуткой автокатастрофе на трассе Семей – Урумчи, в ходе которой по причине выезда автобуса с нашими туристами на встречную полосу и столкновения лоб в лоб с легковым автомобилем погибли два казахстанца, еще 19 человек были ранены;

– «*Как акимат Мангистауской области нанял Тони Блэра*» (интернет-журнал Forbes.kz, 31.03.2015) – о том, как жители западного региона страны за советами к бывшему премьер-министру Великобритании ходили, которого приняли для этих целей на работу;

– «*По чьей голове сосульки плачут?*», («Караван», 31.03.2015) – о вызывающем грядой тяжелых остроконечных ледяных копий под крышей областной библиотеки шоке, который также вызван еще и тем, что нависает над узеньким пандусом для инвалидов.

Как видно по заголовкам, прецедентные тексты черпаются из массовой культуры и прежде всего из популярных мульт- и кинофильмов. Литературной основой цитат служат произведения, широко известные разным слоям населения: это строчки из басен, программных стихотворений, классических художественных произведений. Для того, чтобы «воспринять сигнал», передаваемый автором посредством прецедентного текста любого вида, адресат должен обладать достаточными историко-филологическими, страноведческими и другими фоновыми знаниями. Пробелы в знаниях приводят к «потере сигнала, снижению воздействия текста на адресата» [60, 51]. В приведенных примерах современные авторы трансформируют афоризм, заменяя «каноническое» слово иным, совпадающим по морфологическим характеристикам и синтаксическим позициям, при этом смысловая нагрузка падает на новое слово.

В газетных и интернет-заголовках наиболее частотны прецедентные тексты, опирающиеся на следующие источники:

1) В пословицах и поговорках, идиомах содержится оценка социальных явлений, и эта оценка одинаково воспринимается всеми или большинством реципиентов, что способствует установлению контакта автора и читателя:

- «*Молчание – не золото*» («Караван», 14.11.2013);
- «*Молчание чиновников – золото?*» («Караван», 26.02.2010);
- «*Молчание – золото*» («Караван», 18.06.2012);
- «*Что на уме, то и на языке*» («Мегаполис», 16.03.2015);
- «*[Пущать не велено!](#)*» («Мегаполис», 28.04.2014).

Пословицы и поговорки занимают большое место в заголовках газет, и это не случайно, ведь пословицы и поговорки несут в себе мудрость народа, способную обогатить речь современников. В пословицах заложены все лучшие силы творчества народа, поэтому журналисты часто обращаются к такого рода изречениям. Авторы осуществляют трансформацию известных пословиц

рассчитывая на информированность читателя, так как их опознание не составляет труда и легко восстанавливается в памяти.

Самой популярной русской народной поговоркой представители медиа-сферы считают «*Молчание – золото...*», позабыв о том, что «слово – серебро». Между тем, интерпретация второй фразы, которая давно живет отдельной жизнью, интересна в своих коннотациях.

В стандартном примере «*Молчание – золото*» автор прямо говорит, что в определенный день календаря лучше отдохнуть, никуда не спешить, медитировать, то есть по возможности молчать. В материале, где ассоциативное отношение золота к молчанию ставят под сомнение рассказывается о скандале в спортивном мире, когда об уличении девяти казахстанских штангистов в допинге стало известно, но не сказано Международной федерацией тяжелой атлетики абсолютно ничего в тех же СМИ на протяжении долгих десяти дней, из-за чего ситуация обрела более серьезные масштабы, выходя за пределы алматинской прессы.

Последняя фраза в этой тройке оказалась самой интересной: «*Молчание чиновников – золото?*», потому что послужила и еще риторическим вопросом. Журналисты так и написали: «Если судить по поговорке «Молчание – золото», то наши чиновники самые богатые в мире! Им бы в разведку, в тыл врага – ни за что ни на один вопрос не ответят! В ответ на наши вопросы, по крайней мере, – тишина...». Так появился рейтинг самых молчаливых казахстанских чиновников.

Фразу «*Пуцать не велено!*» уже давно можно считать идиомой, которую довольно часто используют в СМИ в роли заголовка. Вот и газета «Мегполис» обратилась к неоархаичной фразе, рассказывая о насущной проблеме: о лишении доступа четвёртой власти в Казахстане наравне с простыми гражданами республики к олимпиадам власти через центральные ворота. «Вход запрещён» – сказал, как отрезал, журналисту «Мегполиса» охранник парадного подъезда Мажилиса и согласно инструкции парламентского руководства от 2008 года отправил к подъезду № 3, что для простых смертных. На стража не возымела действие даже парламентская аккредитационная карточка.

2) Литературные произведения, хорошо известные широкой читательской аудитории: «*100 дней одиночества*» («Экспресс К», №55, 28.03.2015), «*Привет, оружие!*» («Экспресс К», №58, 02.04.2015).

Классическая литературная цитата функционирует в речи носителей языка на протяжении нескольких поколений, является узнаваемой носителями языка. Это связано с ориентацией на средний уровень образованности и литературных знаний среднего человека (хотя бы в рамках школьной программы). Приведённые примеры подтверждают это, так как большинство ПТ связаны со школьной программой литературного образования, достаточно прозрачны, а потому должны быть понятны среднестатистическому читателю.

Расшифровывая послы заголовков, обратимся к истории. Как известно, «*100 лет одиночества*» – это бестселлер 1967 года на все времена, написанный

колумбийским романистом, работающим в направлении магический реализм, Габриэль Гарсиа Маркесом. Книга состоит из 20 неименованных глав, в которых описывается история, закольцованная во времени: события Макондо и семьи Буэндиа, например, имена героев, повторяются снова и снова, объединяя фантазию и реальность. В первых трёх главах рассказывается о переселении группы людей и основании деревни Макондо. С 4 по 16 главы повествуется об экономическом, политическом и социальном развитии селения. В последних главах романа показан его закат.

В нашем случае «100 лет одиночества» – это сто рабочих дней, из которых аким Чапаевского сельского округа Осакаровского района Жанболат Курманов появлялся в акимате всего десять раз. За устроенный себе свободный график работы прогульщик получил строгий выговор, и чтобы на этот раз лучше почувствовать нужды сельчан, дисциплинарный совет обязал чиновника в двухнедельный срок переехать в поселок.

«Привет, оружие!» – обыгранная фраза-заголовок, чье оригинальное авторство принадлежит американскому писателю и журналисту Эрнесту Хемингуэю. Название легендарного романа «Прощай, оружие!» известно со времени его выхода в 1929 году. Книга рассказывает о любви на фоне Первой мировой войны. Роман является автобиографичным — Хемингуэй служил на итальянском фронте, был ранен и лежал в госпитале в Милане, где у него был роман с медсестрой.

Что касается заголовка газеты «Экспресс К», то мы имеем дело с весенней призывной кампанией, о начале которой весьма оригинальным образом известили школьники и студенты Астаны у монумента «Байтерек». Оркестр Министерства обороны устроил целый флешмоб, исполняя популярные военные марши, тем самым привлекая внимание прохожих. Школьники и студенты выполнили функции промоутеров, раздавая листовки «Будь патриотом! Вставай на воинский учет!».

3) Строки из популярных песен, кинофильмов, мультфильмов: «Красиво жить не запретишь» («Мегаполис», 16.03.2015), «Аул, мы ищем таланты», «Бой с тенью» («Экспресс К», №55, 28.03.2015).

Обращение к кинофильмам является распространённым приёмом журналистов. Причём используются как сами названия популярных художественных кинофильмов, так и фразы из этих фильмов, образы главного героя. Художественные кино- и телефильмы являются одним из самых массовых продуктов потребления на ТВ. Отсюда их популярность и узнаваемость среди людей разных социальных групп и возрастных категорий. Многие фразы из популярных кинофильмов, особенно советских комедий стали крылатыми. Их смысл, и без того понятный и узнаваемый, создаёт дополнительную привлекательность сообщаемой информацией, обеспечивает эмоциональное удовлетворение газетным текстом, а также определённую степень доверия к предлагаемой информации.

Зачастую такие ПТ основаны на очень известных телевизионных художественных фильмах. «Красиво жить не запретишь» — художественный

фильм советского режиссёра Антона Васильева, вышедший на экраны в 1982 году. Действие картины происходит в небольшом провинциальном городе. Работники текстильной фабрики в ходе голосования председателем месткома художника-модельера определяют Сергея Бодрова. Однако выбор рабочего коллектива не устраивает директора фабрики Людмилу Лыхину, чьи установки по поводу модной женской одежды отличаются подчёркнутым консерватизмом, и разумеется, идеям творческой и независимой личности Бодрова не находится места в ее рабочем плане. В конце концов Лыхина отвергает предложенный Бодровым новый модельный ряд для фабрики, после чего энергичный художник-модельер отправляется искать правду напрямик в московское министерство. После выхода на советские экраны этой киноленты фраза «*Красиво жить не запретишь*» стала крылатой и обыгрывалась в последующих кинофильмах, ситкомах и телепередачах.

В ситуации казахстанских реалий фраза «*Красиво жить не запретишь*» повествует о приобретении водителями СКО в двухмесячный срок VIP-номеров на сумму около 12 миллионов тенге.

«*Бой с тенью*» – заголовок материала газеты «Экспресс К», в котором рассказывается о легализации денег и имущества всего за девять дней с момента выступления главы государства на XVI съезде партии "Нур Отан", что превышает срок самой акции, длящейся чуть больше шести месяцев. Между тем, в Комитете государственных доходов уверены, что такая активность населения напрямую связана с призывом президента довериться государству и наконец выйти из тени.

В идеале же «*Бой с тенью*» – российский кинофильм 2005 года в жанре криминальной драмы режиссёра Алексея Сидорова, который показывает нам историю претендента на чемпионский титул, известного по всему миру боксера, который стремится к славе и деньгам, а еще мечтает о любви. «*Бой с тенью*» – это спортивный термин; один из самых старых, самый чистый и универсальный вид упражнений для улучшения многих качеств, необходимых каждому боксеру. Спортсмены так и говорят: «Учитесь драться с тенью, чтобы стать настоящим боксером».

Тексты телевизионной рекламы, некоторые из которых порой «перекочевывают» из кинофильмов, став устоявшимися фразеологизмами, являются одним из основных источников ПТ. Эти тексты постоянно и навязчиво повторяются, в результате чего они очень популярны. В то же время на телевидении они существуют очень недолго, поэтому очень быстро забываются. Отсылка к телевизионному ПТ чаще всего совпадает со временем действия рекламы на телевидении или после, с тем, чтобы она была узнаваемой и актуальной.

К тому же, названия известных телепередач также актуализируются на страницах газет. При чём узнаваемость и прозрачность ПТ напрямую связана с рейтингом передачи на телевидении и её популярностью среди зрителей.

Такой широкой популярностью в свое время пользовалась телевизионная программа «*Алло, мы ищем таланты*». Программа, которая на самом деле была

музыкальным конкурсом молодых и начинающих исполнителей, выходила на советские экраны с 1975 года, а позже послужила предпосылкой к появлению телепередачи «Очевидное – невероятное».

Обратимся к формальным способам включения прецедентного текста в новый текст. Чаще всего, в таком случае мы имеем дело с явлением трансформации прецедентных феноменов. Трансформирование цитат придает стандартным речевым формулам большую экспрессию и дает возможность рождения нового, а иногда и целого «пучка» смыслов, а такие единицы реализуют диалогичность публицистического текста, в котором они наличествуют. Кроме того, они нередко эксплицитно или имплицитно выражают оценку. Существует многообразие классификаций изменения исходного текста, особой популярностью пользуется типология Д.Б. Гудкова, к ней мы вернемся в следующем параграфе, в этом же решили примерить на себя типологию С.И. Сметаниной, выделяющей способы внедрения в «медиа-текст» прецедентных феноменов.

1) Текст А («чужой») равен тексту Б (своему): *«Чудо-юдо в перьях»* («Экспресс К», №50, 18.03.2015) – цитатой, не подвергшейся изменению, пишется свой текст. Заголовок при этом отсылает к самой что ни настоящей птице, правда, мифической. Инженер Есжан Бошактаев из Алматинской области, интересующийся мифами и легендами о птице Самрук более двадцати лет, собрал целое досье на загадочное создание, которое люди периодически видят в разных уголках Земли.

В данном случае демонстрируется именно неизменные канонические ПТ. Трансформированные ПТ, подвергнутые изменениям легко опознаются, и намного чаще используются автором, нежели канонические;

2) Текст А – иллюстрация к тексту Б: *«Ростом мал, но как человек – велик»* (*Караван*, 10.10.2014) – в заголовке указывается на то, что это фраза «чужая», чаще всего посредством кавычек. В этом примере заголовок предшествует материалу о командире воинской части внутренних войск РФ Серике Султангабиеве, который на учениях в Свердловской области спас сержанта-срочника от взрыва гранаты РГД-5, прикрыв его от осколков. Офицер получил множественные ранения, но был представлен к награде – ордену Мужества.

3) Текст А – материал, палитра для создания текста Б. Текст Б может создаваться разными способами.

а) Сокращение состава текста с его переосмыслением.

«Меньше тоев – целее казна...» («Мегаполис», 02.03.2015), – материал о том, как редакция газеты получила из акимата южной столицы ответ на запрос по поводу оптимизации бюджетных расходов города на проведение праздничных мероприятий.

б) Расширение состава текста, приводящее к уточнению смысла.

«Если жизнь не сахар, то она для диабетиков» («Время», №24-2011) – устойчивое выражение «жизнь не сахар» распространяется и наполняется более конкретным и ироничным значением. Заголовок говорит сам за себя,

рассказывая о серьезной и тяжелой болезни – диабете, которая не обходит стороной и детей.

в) Замена слов, обусловленная ситуативными или тематическими задачами: «*Певица бывает кусачей*» («Караван», 25.07.2014) – история о том, как сотрудника полиции покусала экс-солистка группы «Дауыс International» Жадыра Кутпанова; «*Хан или пропал*» («Экспресс К», 05.03.2015) – о премьере спектакля «Клятва Абулхаира» по пьесе Тахауи Ахтанова «Клятва» в Южно-Казахстанском областном русском драматическом театре, посвященного теме 550-летия образования Казахского ханства.

Как видно, нередко цитаты становятся средством иронии. При этом следует отметить, что характер изменения «определяет та реальная ситуация, для номинации которой отобран всплывший в памяти прецедентный феномен». Во всех случаях преобразований отношения между текстами А и Б носят характер диалога: «в диалогические отношения втягиваются не только тексты, но и создатели и читатели, тексты и их потребители» [1, с. 26].

Как отметил Г.Я. Солганик, обилие расковыченных цитат – это «еще одно наглядное свидетельство того, что язык средств массовой информации испытывает влияние всех пластов национального языка и, в частности, литературы, а сила цитаты в ее узнаваемости» [61, с. 37].

Смысл прецедентного текста может «присутствовать в системе газетной статьи имплицитно (проявляться лишь в функции в идее коннотаций) и эксплицитно, тогда поверхностное знание оказывается «прозрачным», но за ним стоит другое (глубокое) значение, которое тесно связано со смыслом газетной статьи» [8, 29].

Ср: «*Чтобы жаман стал жаксы*» («Экспресс К», №50, 18.03.2015), «*От сумо не зарекайтесь*» («Экспресс К», №50, 18.03.2015).

Здесь мы видим, что значение фразеологизмов в ПТ реализуется в своём истинном смысле. Фразеологический фонд языка отражает особенности мировосприятия его носителей, обусловленные национальной культурой.

В основе действия прецедентного текста – сравнение «данного» и «нового», причем, «новое» рассматривается лишь как вариация, видоизменение «данного». Эффект новизны, необходимый для этого, достигается либо за счет деформации текста, либо за счет наложения на новую ситуацию, неожиданной референтной отнесенности (часто – и того, и другого вместе). Любой обычный прецедентный текст явно умышлен, задуман для того, чтобы произвести впечатление на адресата, выполнить функцию воздействия. Источниками прецедентных текстов могут быть произведения классической литературы, рекламные объявления, эстрадные песни, кино- и мультфильмы. Фразеологизмы являются одним из самых демократичных видов прецедентных текстов, поскольку абсолютно «узнаваемы». Основным свойством прецедентного текста является расчет на воздействие через сопоставление новой информации и фоновых знаний. «Каждый текст является интертекстом. Другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее

узнаваемых формах. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [61, с. 89].

Журналист посредством прецедентных текстов «вписывает узнаваемые знаки, стремясь сохранить в медиа-событии связь с реальным событием и сообщить медиа-тексту читабельность разной аудиторией» [62, с. 26].

Таким образом, важнейшей чертой современного публицистического дискурса является обращение к языковой игре, понимаемой нами, вслед за В.З. Санниковым и некоторыми другими лингвистами, как некоторая языковая «неправильность», осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая им. При этом адресат также должен «угадать» это намерение автора и «поддержать игру» [62, с. 381]. В случае с прецедентными текстами языковая игра становится многоаспектной, так как, во-первых, само включение этой единицы в «фактологический» ряд публицистического произведения может быть рассмотрено как языковая игра, построенная на различных аллюзиях; с другой стороны, прецедентные тексты при этом, как правило, подвергаются различного рода трансформациям, которые несут в текстах статей дополнительную смысловую и экспрессивную нагрузку и помогают автору более выпукло представить описываемую ситуацию; наконец, эти трансформации могут быть двух типов: 1) «внутриязыковые», чисто лингвистические, построенные на использовании возможностей языковой системы русского языка (фонетических, словообразовательных, морфологических, синтаксических); 2) «лингвокультурологические», когда некоторые лексические замены, произведенные с опорой на концепты прецедентных текстов, направлены на то, чтобы вызвать у читателя аллюзии к историко-литературным фактам и тем самым «усилить» обсуждаемую проблему. Важно еще раз подчеркнуть, что языковая игра с прецедентными текстами предполагает наличие соответствующей готовности к ней читателя-адресата.

2.3 Трансформационные модели заголовочных конструкций казахстанских СМИ

Различные аспекты проблемы функционирования прецедентных текстов являются довольно изученными на данный момент (работы Ю.Н. Караулова, Г.Г. Слышкина, Е.А. Земской, В.Г. Костомарова, В.В. Красных и др.). Остановимся на некоторых особенностях функционирования ПТ.

А.Е. Супрун считает прецедентные феномены (ПФ) (которые он называет текстовыми реминисценциями) «фрагментами языка как устройства (динамической структуры) для производства (порождения) и восприятия (дешифровки) текстов» [31, с. 21], т. е. можно говорить о том, что ПФ являются не единицами языка как системы, а особыми единицами дискурса, обладающими рядом специфических особенностей.

ПТ входят в когнитивную базу языка, формируют текстовую концептосферу той или иной культурно-языковой группы и потому хорошо знакомы любому среднему члену национально-культурного сообщества. Их знание – показатель принадлежности к эпохе и культуре, а незнание – предпосылка отторженности. «Свернутый (или прецедентный) текст – единица осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти» [63, с. 297]. Специфика прецедентного текста-цитаты в том, что дистанция между текстом-донором и текстом-реципиентом оказывается большей, чем обычно. Непосредственное цитирование происходит не из текста-донора, а из «культурного тезауруса» языковой личности, приобретшей опыт обращения с ПТ не только по причине знакомства с его исконной текстовой средой, но в результате собственной коммуникативной практики.

Обращение к ПТ постоянно возобновляется с помощью связанных с ним прецедентных символов (определенным образом оформленных указаний на прецедентный текст): имя автора или персонажа, известное высказывание или ситуация, название произведения. При этом высказывается мысль о дейктивности прецедентных единиц: они отсылают к уже известному образу или ситуации, напоминание о которых может быть свернуто до слова, имени, которое выступает как знак более широкого культурного контекста. Это своеобразные «дайджесты текстов, фрагменты которых могут быть использованы в различных ситуациях» [31, с. 26].

Набор ПТ различен для разных членов социума: «...одни читали одни тексты, смотрели одни спектакли и фильмы, слушали одни романсы и песни, а другие – совсем иные...» [31, с. 27]. Это значит, что можно говорить о текстах, прецедентных для узкого круга людей, – для малых социальных групп (семья, трудовой коллектив). Во-вторых, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, анекдот, рекламный ролик). Однако в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе данного отрезка времени, что дало основание Г.Г. Слышкину выделить микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие ПТ [12, с. 28]. Например, нижеприведенные выражения, являясь, безусловно, прецедентными, несопоставимы с точки зрения своего пространственного и временного распространения: «300 казахов» («Экспресс К», 10.04.2014), «Сердце Данко» (Tengrinews.kz, 27.08.2012).

Понятие прецедентности тесно связано с понятием интертекстуальности (восходящего к фундаментальной идее неклассической философии об активной роли социокультурной среды в процессе смыслопонимания и смыслорождения) как понятие более узкое, как специфическая разновидность цитирования. Проблема интертекстуальности, текста в тексте, цитирования, прецедентных

феноменов изучается многими исследователями, которые отмечают, что цитироваться может отрывок художественного текста, тексты песен, фильмов, слова политических деятелей, рекламные слоганы; цитируется структура текста, жанр. Ю.М. Лотман считает, что «культура в целом может рассматриваться как текст.

Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов» [64, с. 78]. Интертекстуальность как важнейшая примета постмодернистского искусства и, шире, эпохи постмодерна (символом которой можно считать кавычки) стала неотъемлемой частью жизни человека конца XX – начала XXI в. Основа любого текста – его выход в другие тексты, в другие коды. По словам Р. Барта, «каждый текст – новая ткань из старых цитат, обрывки старых культурных кодов, формул, перемешанных в нем, так как до него и вокруг него существует язык» [65, с. 384]. Смысл возникает как результат связывания между собой этих семантических векторов, входящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к тексту как внешняя семиотическая среда. Это основа оценки постмодернистского стиля мышления как цитатного.

Текст не может рассматриваться иначе, нежели в качестве включенного в перманентный процесс смыслообмена с широкой культурной средой. Использование ПФ в газете является излюбленным приемом выразительности, особенно ярко эта тенденция прослеживается в заголовках современных газет. Заголовок – собственное имя текста и специфический элемент «системы указателей». Специфика заглавия проявляется в том, что, служа «ярлыком», собственным именем обозначаемого им объекта, оно не выходит за пределы текста. Занимая в тексте сильную позицию, заголовок относится к тем композиционным элементам, которые привлекают повышенное внимание при первом знакомстве с публикацией, отмечают А.С. Попов, Т.М. Дридзе, М.Н. Кожина, Э.А. Лазарева, Т.М. Николаева и др. Создать заголовок одновременно информативный и достаточно краткий, легкий для восприятия и интригующий – одна из труднейших творческих задач, которая нередко реализуется с помощью прецедентных единиц. Например: «*И легкий пух сбивает с ног*» («Экспресс К», 07.06.2014) – о преувеличении неудобств, доставляемых тополиным пухом в Астане; «*Тополек мой в белом хиджабе*» («Экспресс К», 07.06.2014) – о предмете «Религиоведение», который преподают учителя без соответствующей квалификации, а учебники не отвечают сегодняшним реалиям. Употребление в речи ПФ создает в дискурсе вертикальный контекст.

«Прецедентный текст, храня определенный изначальный смысл, обладает способностью, попадая в поле человеческого восприятия, обновлять и приумножать этот смысл» [64, с. 298]. Обращение к ПФ отвечает двум основным тенденциям газетного языка – стандарту и экспрессии. Чем изобретательнее журналист в использовании прецедентных текстов, тем ярче его материал и эффективнее воздействие на читателей.

Весьма активное использование прецедентных единиц в заголовках связано с возрастанием роли рекламной функции заглавий, функции воздействия на читателя. Во-первых, прецедентные явления просто украшают текст, реализуя поэтическую функцию языка, привлекают внимание к статье: «*Ах, обнимать меня не трудно, я сам обняться с вами рад*» («Экспресс К», 07.06.2014) – статья об акции «Обними меня» с участием людей с ограниченными возможностями, желающими обратить на свои проблемы внимание городских граждан, посетителей одного из алматинских торговых домов, где было организовано данное мероприятие. Использование поэтического названия в данном случае объясняется желанием автора возвысить проблемы инвалидов над будничными суетливыми вопросами здоровых граждан. Интересное применение поэтизации, возможно, не совсем оправданное с точки зрения соответствия жанра, однако не противоречивое с позиций «высокого» заглавия и «низкого» содержания. Отметим, что используемое название – это обыгрывание ситуации за счет переименования известных пушкинских строк «Ах, обмануть меня не трудно!... Я сам обманываться рад!» из стихотворения «Признание».

В приведенном примере ПТ также выполняет интертекстовую функцию, порождая диалогичность дискурса (диалог на уровне различных текстов и на уровне адресат – адресант); чужой текст в данном случае подключается к авторскому, а также выступает своеобразным индикатором социальной близости журналиста и читателя: мол, мы свои, вы наш намек понимаете.

ПТ также «служат целям языковой игры разного рода: способствуют поэтизации текста, рождают загадку, создают ироническое, саркастическое, гротескное, трагическое или иное звучание» [59, с. 167]. Например: «*Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся шакалы*» («Экспресс К», 17.05.2014) – статья об эксперименте журналиста, проработавшего один день в зоопарке Алматы. Данный заголовок – это переименованные слова немецкого поэта Генриха Гейне, который некогда сказал: «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки». Наблюдение поэта стало афоризмом и обыгрывалось в речи не раз, послужив также мотивом к написанию русским поэтом А. Федотовым стихотворения «Охота», часто звучавшего в конце XIX – начале XX в. на литературных вечерах. Это стихотворение заканчивается словами: «Чем больше жизнь я изучаю, тем больше я люблю зверей». Журналист сегодняшнего дня «собаку» заменяет «шакалом», не только подстраивая тему под обитателей зоопарка, но и под социальные реалии: «Однажды некий «доброжелательный» посетитель бросил крокодилу пластмассовую бутылку. Хищник проглотил ее и... отправился в мир иной, а тот гад даже не испытывал мук совести... Сотрудники зоопарка признаются, что здесь всегда ощущают умиротворение, потому что не ждут от своих подопечных предательства». Как видно из приведенного отрывка, текст изобилует фигурами речи. Есть и ирония, и аллегория. «Шакалы» – это не гипербола по отношению к «собакам», это сарказм.

Существуют примеры, когда дело не ограничивается заголовком, а точнее, он выступает в качестве «закуски» перед главным блюдом. К примеру, после заголовка статьи-комментария на тему запросов на удаление персональных данных из поисковой системы Google и решения Европейского суда по данному делу «*Ты данных в Сети на него не ищи!*» («Мегаполис», 09.06.2014) следует интернет-мем: «Сталин – он как Google: ты ему слово, он тебе ссылку». Интернет-фраза отражает масштаб поставленной проблемы, объясняет необходимость ее обсуждения. Сравнение со Сталиным – это новая социальная реклама, которая, по словам Российской общественной организации жертв незаконных политических репрессий «Сталин – он как...», призвана рассказать нынешней молодежи о репрессиях времен Сталинского правления. Автор статьи задается вопросом: если стирать данные из Сети по желанию каждого, то где мы будем искать правду истории? Таким образом, прецедентное высказывание в данном случае может считаться целостным лишь вкуче с последующей фразой, являющейся интернет-мемом: так называемые гротескные взаимоотношения правдоподобия и карикатуры.

Поскольку ПТ хорошо известны широкому кругу лиц и обладают свойством повторяемости, прецедентные высказывания, отсылающие к этим текстам, могут выступать как в неизменном виде, так и в переименованном, измененном (квазицитация). При этом использование прецедентных выражений «в оригинале» – явление не очень распространенное по сравнению с их трансформацией, обладающей большими выразительными возможностями (трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны) и потому очень актуальной в современной прессе. Заголовки, представляющие собой неизменные прецедентные выражения, составляют около 10% от общего числа «прецедентных» заглавий (наиболее часто это названия книг, фильмов, телепередач, крылатые выражения, пословицы и т. д.):

– «*Это вам не пирожки лепить*» (Tengrinews.kz, 11.04.2014) – о серьезных задачах Национального космического агентства Казахстана входе интервью влиятельного издания с главой ведомства, космонавтом Талгатом Мусабаевым в День космонавтики;

– «*Этот неловкий момент*» (Tengrinews.kz, 23.05.2013) – О том, как спикер нижней палаты парламента Нурлан Нигматуллин проявил принципиальность, отказавшись выслушивать неподготовленного, по его мнению, и мнению других депутатов, вице-министра иностранных дел Самата Ордабаева, которому в прямом смысле указал на дверь;

– «*Земля в иллюминаторе*» («Новое поколение», 05.06.2014) – о том, как стартовавшая два года назад в республике инвентаризация земель сельскохозяйственного назначения выявила ряд существенных недостатков;

– «*А у вас ус отклеился*» («Экспресс К», 19.04.2014) – о том, как Союз мусульман Казахстана задумал экранизировать биографию премьера страны Карима Масимова с голливудским размахом, где главную роль по замыслу авторов сыграет... Арнольд Шварценеггер или Леонардо ди Каприо.

Таким образом, нетрансформированные выражения, имена чаще всего используются или в номинативной функции (иногда экспрессивно насыщенной), или как сентенции – носители вечных истин, обобщающие или возвышающие смысл газетной статьи.

Трансформированные же цитаты представляют большое разнообразие с точки зрения того, каким изменениям они подвергались. Здесь языковая игра, которая наблюдается и при использовании неизменных цитат, получает дополнительные формальные показатели.

Можно выделить следующие способы трансформации прецедентных выражений в заголовках газет и интернет-изданий (способы перечислены в порядке убывающей частотности):

1) Замещение (лексическая субституция) – один из самых распространенных способов видоизменения прецедентных феноменов. Вместо «канонического» слова вставляется иное, как правило, совпадающее с исходным по своим морфологическим характеристикам, ритмической структуре и синтаксической позиции; при этом основная смысловая нагрузка падает именно на замещающее (новое) слово, что позволяет по-новому расставить смысловые акценты. Например:

– «*Аким большого города*» (Tengrinews.kz, 04.11.2014) – о том, как Ахметжан Есимов на радость журналистам провел большую пресс-конференцию в Астане;

– «*Гепатит приходит во время еды*» («Экспресс К», 17.05.2014) – в 2016 году в нашей стране смогут с 90-процентной эффективностью лечить гепатит С. Пока же можно отслеживать действия вируса благодаря фибросканам, которые появились в казахстанских больницах,

Иногда трансформация настолько существенна, что от исходного варианта остается лишь одно слово и сохраняется синтаксическая структура:

– «*Экономика, и ничего кроме экономики*» («Экспресс К», 23.05.2014) – о том, что договор о создании Евразийского экономического союза носит исключительно экономический характер.;

– «*Ход зерном*» («Экспресс К», 19.04.2014) – о презентации ноу-хау казахстанского ученого Абдумалика Аширова, которое поможет Казахстану выйти в мировые лидеры по производству зерна и навсегда решит продовольств.

2) Усечение. Использование многоточия, с одной стороны, указывает на широкую известность выражения, что допускает «нормальность» его неполного употребления, а с другой – делает высказывание незавершенным и потому интригующим, привлекательным для читателей. Например:

– *«Как-то раз я был в Вашингтоне...»* (Tengrinews.kz, 29.05.2013) – депутаты Сената Парламента в очередной раз напомнили Министерству иностранных дел, что нашим дипломатам нужно занимать более принципиальную позицию в вопросах, касающихся предоставления зданий для казахстанских посольств за рубежом или участков для их строительства;

– *«В том далеком 1957...»* («Новое поколение», 05.06.2014) – о том, как осенью 1957 года президент Академии наук Казахской ССР академик Каныш Имантаевич Сатпаев в составе представительной советской научной делегации приехал в Китай для участия в первой научной конференции Китая по проблемам поисков месторождений полезных ископаемых;

– *«Не хлебом единым»* («Экспресс К», 29.08.2013) – по заявлению президента Нурсултана Назарбаева во время своего рабочего визита в Северо-Казахстанскую область Казахстан не может довольствоваться только экспортом пшеницы. Материал о том, что республика должна успешно конкурировать на мировом рынке сельскохозяйственной продукции в самом широком ассортименте.

Предполагается, что при прочтении прецедентного высказывания читатель мысленно восстанавливает весь прецедентный феномен, договаривая мысль автора. Таким образом, осуществляется функция диалогичности текста.

3) Контаминация - соединение двух или нескольких прецедентных высказываний в одно. Под этим термином понимается также соединение в одном контексте прецедентных текстов, принадлежащих к различным культурным пластам. Подобное видоизменение структуры является достаточно редким. В исследуемом нами дискурсе казахстанских газет удалось найти лишь несколько удачных примеров:

– *«Где ты моя, ненаглядная, где? В Караганде-где-где, в Караганде!...»* («Экспресс К», 22.02.2014) - на телепроекте «Первого канала "Евразия" «Лучший город.KZ» недюжинную волю к победе продемонстрировали карагандинцы, которым выпали серьезные испытания еще перед началом конкурса;

– *«Опосля дождя в четверг дам еще проверку – сверх»* («Экспресс К», 22.02.2014) – о проверках, которые «обрушились» на столичного изобретателя Алмата Салгарина, ставшего известным после своей инновационной разработки – чудо-печи, после того, как он в конце 2012 года выиграл трехмиллионный грант Фонда развития предпринимательства «Даму» и открыл свое индивидуальное предприятие (это было обязательным условием фонда).

4) Добавление (расширение состава) – к исходной единице добавляется несколько новых компонентов, на которые и падает основная смысловая нагрузка. В результате данной модификации актуализируются семантические поля, способствующие пониманию смысла текста в целом:

– «Хип-хоп, мы подошли из-за угла» («Экспресс К», 13.01.2014) – российский рэпер Тимати займется раскруткой казахстанской группы Buhar Jerreau;

– «Если разобратся, все мы немножко обезьяны» («Экспресс К», 01.05.2014) – игрок дюссельдорфского клуба «Фортуна», футболист сборной Казахстана Генрих Шмидтгаль присоединился к банановому флешмобу в поддержку темнокожего футболиста «Барселоны» Дани Алвеса.

5) Изменение по цели высказывания или по модальности:

– «Kadex чести» («Экспресс К», 23.05.2014) – в Астане открылась международная выставка вооружений Kadex 2014;

– «Тобет or not тобет» («Экспресс К», 20.03.2014) – о том, что настоящий тобет как древнейшая псовая порода почти потерян, говорят многие кинологи.

Интересно, что авторами ставших впоследствии распространенными в ряде СМИ заголовков активно используются прецедентные тексты как первого, так и второго типов. Ранее уже не раз говорилось, однако сейчас мы отметим классификацию А. Лихачёвой, взятой нами за основу и согласно которой к первому типу относятся воспроизведение или трансформации каламбурного характера, когда в качестве прецедентного текста использовались идеологизированные тексты; культовые цитаты; фразеологизмы; классическая литературная цитата; крылатые выражения; песни; пословицы и поговорки. Второй тип ПТ отсылает адресата к телевидению. Здесь основными источниками ПТ являются: телевизионная реклама, названия телепередач, названия популярных теле-и кинофильмов, фразы из популярных кинофильмов и образы главного героя.

Проведённый анализ ПТ из казахстанских периодических изданий «Экспресс К», «Караван», «Время», «Мегаполис»; интернет-издания Tengrinews.kz показал, что авторы газетных статей обращаются как к первому, так и ко второму типу ПТ. Но следует отметить, что использование первого типа, т.е. цитирование русских классических произведений, пословиц, поговорок создаёт дополнительную привлекательность сообщаемой информации, обеспечивает эмоциональное удовлетворение читателей. Ведь читателю приходится опираться на собственный багаж литературных знаний, начитанность и эрудицию. Журналисты Казахстана часто используют золотой фонд как русской классики, апеллируя к творчеству русских великих писателей, так и казахской классики. Так на страницах казахстанских газет встречаются обращения к произведениям И.А. Крылова, А.С. Пушкина, А. Кунанбаева.

Обращение к ПТ второго типа тоже достаточно эффективно и оправдано, так как делает сообщаемую информацию более понятной, доступной к восприятию современного читателя. Ведь телевидение и СМИ тесно связаны между собой и являются основными информационными источниками в наше время. При этом следует отметить профессионализм и словесное мастерство журналистов, поскольку умелая апелляция к ПТ является показателем их собственной начитанности и интеллектуального развития.

Также имеет значение и возраст авторов ПТ, так как они большей частью опираются на собственный опыт, национально-культурное мышление. Время и социальные условия играют также немаловажную роль. Так, если автор статей более старшего возраста, то воспроизведение, например, цитат из песен советского периода будет неоправданным. Для более молодой аудитории оно может быть просто непонятным, так как возникнет непонимание и трудность соотнесения ПТ с предлагаемой автором ситуацией.

Именно поэтому многие авторы независимо от возраста и опыта стараются использовать современные популярные фильмы, песни, что может, скорее всего, вызвано желанием удивить и привлечь внимание читателей более молодого возраста. Не секрет, что именно юная и молодая аудитория как никто другой нуждается в этом. Использование подобного рода феноменов должно обеспечивать более предсказуемую реакцию у молодёжи на современные события, а также обеспечивать ощущение причастности к сегодняшней массовой культуре.

Можно утверждать, что причины воспроизводства в газетном тексте ПТ не только в стремлении привлечь читателей разных возрастов, но и обеспечить его эмоциональное шутовское обрамление. Возникающий эффект каламбура, пародии, а также отсылка к прецедентному явлению придают дополнительную интригующую привлекательность всему информационному дискурсу.

Таким образом, использование ПФ – очень распространенный прием выразительности, что объясняется экстралингвистическими факторами, связанными с процессами демократизации общества, внутриязыковой тенденцией равенства адресата и адресанта речи, а также влиянием постмодернистского типа культуры со свойственными ему категориями интертекстуальности, игры, иронии, диалога.

ПФ – хороший материал для медиа-текста. Они актуализируют фоновые знания читателя, вводят в оперативную память знаки культуры, интеллектуализируют изложение, но обращение к ним предполагает напряженную творческую работу создателя и редактора текста. Ведь эти знаки являются носителями эстетической информации, следовательно, они вправе рассчитывать и на их эстетическую обработку.

Целенаправленный анализ прецедентных феноменов, функционирующих в современных СМИ, может способствовать обнаружению специфических свойств современной массовой коммуникации и выявлению тенденций в развитии медийного дискурса.

Наши наблюдения показывают, что на современном этапе развития для отечественной массовой коммуникации (для казахстанской культуры в целом), особенно характерно обращение к ресурсам русского фольклора (поговорки и пословицы), названиям масштабных телевизионных проектов, фильмов, заглавиям книг, именам политиков и общественных деятелей, ставших прецедентными. Особенно часто аллюзии связаны с литературными текстами, популярность которых поддерживается хорошими инсценировками, широко известными песнями или римейками.

Обзор основных работ, посвященных прецедентным текстам в аспекте интертекстуальности, показывает, что эта область лингвистики ещё открыта для исследований. Прецедентные тексты, по нашему мнению, совмещают в себе два свойства: с одной стороны, они являются воспроизводимыми (и в этом смысле стандартными) единицами, с другой, – они всегда эмоционально нагружены, экспрессивно заряжены. Эти две черты в ПТ неразделимы и «работают» одновременно на создание дополнительного смысла и экспрессивной выразительности текста. Кроме того, без специального усилия читателя, направленного на «декодирование» заключенного в прецедентном тексте значения, понимание целостного смысла текста просто невозможно. И это свойство ПТ делает данную лингвокультурную единицу «востребованной» в современном постмодернистском публицистическом дискурсе.

2.4 Ресурсы прецедентности в заголовках казахстанских СМИ (на примере республиканских изданий «Экспресс К» и «Время»)

Сегодня СМИ активно эксплуатируют прецедентность и создаваемый ею особый тип экспрессии, который «не может не быть востребованным в газетном тексте с его равноправной ориентацией на экспрессию и стандарт». Мы наблюдаем, с одной стороны, стремление журналистов нестандартно обозначить описываемую в материале проблему, привлечь к ней внимание, образно осмыслить ее уже на уровне заголовка текста. А с другой стороны, актуализированные в заголовках прецедентные феномены задают определенные сюжеты, «типизированные ситуации», которые уже хорошо известны читателю.

Активизация употребления прецедентных феноменов в сильной позиции – заголовках материалов – демонстрирует стремление СМИ использовать широкие ресурсы прецедентности. Это, в первую очередь, оценочность прецедентных феноменов, т.е. выражение субъективного отношения автора.

Прецедентные феномены являются также средствами создания особого типа эмоциональной выразительности. Это демонстрируют заголовки публикаций, посвященных досрочным выборам Президента Республики Казахстан в апреле этого года. Все заголовки обращают внимание читателя на общеизвестное актуальное событие, а также служат для выражения экспрессивности:

– *«Цветы для победителя»* – о подарке в честь переизбрания Президента Нурсултана Назарбаева на президентский пост от главного исполнительного директора концерна «Шелл» Бен ван Берден. Елбасы были вручены цветы, названные в его честь («Экспресс К», № 81 (18159) от 05.05.2015);

– *«Даешь, молодежь!»* – о том, как кокшетауская молодежь провела флешмоб в честь избранного главы государства возле Дома дружбы, где расположились национально-культурные центры Ассамблеи народа Казахстана («Экспресс К», № 79 (18157) от 30.04.2015);

– *«Мы выбрали будущее. Будущее выбрало нас»* – о поздравлении с убедительной победой на президентских выборах председателя «Нур Отана» Нурсултана Назарбаева его однопартийцами («Экспресс К», № 77 (18155) от 28.04.2015);

– *«Референдум - хорошо, а выборы – лучше!»* – обращение главы государству к народу Казахстана («Время», 26 февраля 2015);

– *«Завтра уже наступило»* – о праздничном шествии жителей Петропавловска с флагами и транспарантами «Победа нашего лидера – победа всех казахстанцев!», «Мой президент – Нурсултан Назарбаев» («Экспресс К», № 77 (18155) от 28.04.2015);

– *«В семье не без народа»* – о приходивших на избирательные участки целыми семьями алматинцах, в чьих семьях впервые находились и те, кто голосовал впервые («Экспресс К», № 77 (18155) от 28.04.2015);

– *«Явка больше, чем жизнь»* – о стопроцентной явке на избирательные участки сотрудников оперативно-спасательного отряда ДЧС Алматинской области («Экспресс К», № 77 (18155) от 28.04.2015);

– *«В 100 лет – на выборы»* – о первых 300 проголосовавших на выборах постояльцах дома престарелых, в котором был организован избирательный участок («Экспресс К», № 76 (18154) от 27.04.2015);

– *«Сделай селфи у избирательной урны»* – о высокой активности электората в Шымкенте, где участие в выборах впервые приняли 18-летние студенты, пожелавшие запечатлеть событие на телефон («Экспресс К», № 76 (18154) от 27.04.2015).

Или другая актуальная тема о сразу двух девальвациях валют – рубля и тенге:

– *«Автомобиль – не роскошь, а... большая роскошь»* – об ослаблении тенге к доллару, которое не будет тем лекарством, что поправит авторынок Казахстана («Экспресс К», № 14 (18092) от 24.01.2015);

– *«Обменный пунктик»* - о представлении видения будущего тенге и предлагаемых мерах, которые поспособствуют дедолларизации казахстанской экономики, руководителем Центра макроэкономических исследований Олжасом Худайбергеновым («Экспресс К», № 14 (18092) от 24.01.2015);

– *«Рубль в курсе?»* – об уверенном заявлении министра национальной экономики Ерболата Досаева о том, что финансовый шторм обойдет Казахстан стороной. Пока правительство успокаивает граждан, те в свою очередь напряженно следят, чем в соседней России закончится валютное ралли, в ходе которого, по оценкам экспертного сообщества, произошло рекордное за последние 15 лет падение рубля. («Экспресс К», № 186 (18025) от 10.10.2014);

– *«Вверх кармашками»* – об установлении нового обменного курса национальной валюты на уровне 185 тенге за доллар США и намерении удерживать его на этом уровне (плюс-минус три тенге) в среднесрочной перспективе («Экспресс К», № 25 (17864) от 12.02.2014);

– *«Призрак девальвации»* – о спорах по поводу возможного обрушения тенге, в последнее время всерьез беспокоящее казахстанцев («Экспресс К», № 186 (17786) от 09.10.2013);

– *«Тенге крепчал – деревья гнулись»* – о заверении председателя Национального банка Григория Марченко о невозможности девальвации тенге к концу года в то время, как активно распространяются слухи о том, что финансовые власти страны могут «уронить» национальную валюту («Экспресс К», № 99 (17699) от 06.06.2013);

– *«За упавшим рублем придется поклониться»* – о возросшей вероятности девальвации тенге, если ослабление российского рубля составит более 25 процентов («Экспресс К», № 188 (17303) от 13.10.2011).

Актуализированные в этих заголовках прецедентные феномены – инструменты эксплицитной оценки описываемых явлений. При этом авторская оценка не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна⁴, но позволяет уже в заголовке предложить читателю именно ту интерпретацию материала, которую имел в виду автор.

Наконец, использование прецедентных феноменов в заголовках медиатекстов в конкретный текущий момент позволяет подчеркнуть принадлежность автора и читателя к одной социокультурной группе. Так, заголовки материалов о громком коррупционном деле экс-премьер-министра Серика Ахметова:

– *«Он - VIP, хоть и влип»* – о том, как бывшего чиновника возят на допросы в элитном «автозаке» («Время», 29.11.2014);

– *«На особом положении»* – об обнаружении корреспондентом издания любопытных нюансов в расследовании громкого «карагандинского» скандала с участием Серика Ахметова («Время», 17.01.2015);

– *«Что написано пером»* – о чем просил экс-премьер главу Агентства по делам строительства и ЖКХ РК («Время», 17.01.2015);

– *«Сидите пока...»* – о рассмотрении ходатайства следственной группы о продлении ареста Ахметова («Время», 14.04.2015), напрямую не указывают на громкое судебное разбирательство, но осведомленный о происходящем, читатель без труда поймет, о чем пойдет речь в материале.

Или например, заголовки *«Здесь будет город-сад!»* («Время», 07.03.2015), *«Ни фига себе струя!»* («Время», 24.02.2015) указывают на длительное обсуждение новости акима Восточно-Казахстанской области Даниала Ахметова на тему необходимости выделения немалых денег на строительство дополнительных фонтанов, а также двух с половиной миллиарда тенге на благоустройства центра города.

Прецедентные феномены, таким образом, служат маркером общности автора и читателя, не только с точки зрения принадлежности к определенной социальной группе, но и с точки зрения отношения к тем или иным происходящим событиям.

Следовательно, функции, выполняемые прецедентными феноменами в целом, близки функции мифа в традиционном обществе; представление же, стоящее за прецедентным именем, по сути, и является «свернутым» мифом. Отметим также, что часто использование прецедентных феноменов в заголовке медиатекста не ограничивается стремлением автора к выражению только оценки или к достижению только эффекта экспрессии. Ресурсы прецедентности в наибольшей степени реализуются в комплексе, хотя в тех или иных контекстах возможно преобладание каких-либо их функций.

Так, например, актуализированные в заголовке прецедентные феномены могут задавать «шкалу ценностных ориентаций». Это значит, что читателю предлагается уже готовая оценка описываемых конкретным изданием событий. Ярким примером такого «программирования» читательского восприятия может служить тема паводков в Карагандинской области, вследствие которых этой весной было затоплено 35 сел.

Общественно-политические издания, ориентированные на широкую читательскую аудиторию, единодушно и эмоционально отреагировали на произошедшую природную катастрофу в Карагандинской, Павлодарской и Восточно-Казахстанской областях, а также на последовавшие затем

выступления властей. В заголовки посвященных этим событиям материалов уже закладывалась определенная интерпретация предлагаемой информации посредством использования прецедентных феноменов. Например:

– *«Валера приплыл вовремя»* («Время», 30 апреля 2015) – о том, как в ВКО масштабные паводки грозили стать причиной серьезного скандала, жители затопленных поселков уверяли, что местные власти могли предупредить последствия, но в итоге не сделали ничего, а на помощь тонущим соседям приходили сами местные жители, такие как Валерий из поселка Снегирево;

– *«Безбрежный водоворот/Удержим ли паводки на коротком поводке?»* («Время», 21.04.2015) – о работе по предупреждению паводков и ликвидации последствий;

– *«Всё течёт!»* («Время», 28.03.2015), *«Мокрая неожиданность»* (Время, 11.04.2015) – о затоплении талыми водами в весенний период Карагандинской области;

– *«Плывите отсюда»* («Время», 24.04.2015) – о плывущих по воде автолюбителях Усть-Каменогорска, открывших затопленные развязки под Ульбинским мостом;

– *«Катастрофа по расписанию»* («Экспресс К», 18.04.2015) – общий вывод на тему наводнения в регионах страны, когда ущерб от паводков в Павлодарской области оценили в 90 миллионов тенге, из-за наводнения обрушился мост, а население нескольких сел эвакуировано;

– *«Кто живет у воды, тому наводнение не новость»* («Экспресс К», 14.04.2015) – о затопленных селах в Баянаульском районе Павлодарской области;

– *«Всемерный потоп»* («Экспресс К», 04.04.2015) – о том, как паводки стали причиной массовой гибели скота в Карагандинской области.

Прецедентные феномены в приведенных примерах выражают преобладавшие на тот момент в большинстве общественных групп негодования и отчаяния в связи со сложившимися природными обстоятельствами, которые лишили еды и крова более 30 000 человек в северных и восточных регионах страны, также они являются маркером общности издания и читателей в отношении к происходящим событиям.

Однако в общественно-политических изданиях с четко определенными позициями использование прецедентных феноменов в заголовках не ограничивается стремлением авторов к выражению оценки. Заголовки, содержащие прецедентные феномены, безусловно, создают эффект экспрессивности, но уже не так явно и прямолинейно ориентируют читателя на «нужную» оценку того или иного события. Интересно, что ситуация при этом повторяется из года в год, но над ее предотвращением в полной мере не работают либо начинают решать в последний момент. Так было в 2013 году («Плавали – знаем...» – материал о том, когда чиновники «закрыли» информацию о возможных наводнениях – «Караван», 25.03.2013). Это же произошло в 2014-м, но с уже большей силой: «Лодки и матрацы к наводку готовы!» («Караван», 28.02 2014); «Владимир БОЖКО: Готовьтесь к заплыву!» («Караван», 28.02 2014); «Как сугробы превращаются в проблему» («Караван», 28.03.2014). В 2015 году ситуация достигла своего апогея: «Великий потоп по-карагандински» («Караван», 13.04.2015). Ресурсы прецедентности в данных заголовках не ориентируют читателя на однозначную интерпретацию. Напротив, апелляция посредством прецедентных феноменов к единой социокультурной базе автора и читателя позволяет последнему самостоятельно осмыслить рассматриваемую в том или ином материале проблему.

Таким образом, прецедентные феномены в заголовках материалов актуализируются как «образцовые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов». Они могут быть известны подавляющему большинству читателей либо представителям только определенной социальной группы. Поэтому разный подход средств массовой информации к актуализации в заголовках материалов прецедентных феноменов может быть объяснен в разрезе информационной политики каждого отдельного издания.

Информационная политика издания в целом складывается из комплекса его типологических характеристик. В интересах данного исследования информационная политика будет рассмотрена с точки зрения целей и задач каждого конкретного издания, а также их ориентации на ту или иную читательскую аудиторию. Рассмотрим стратегию апелляции изданий к прецедентным феноменам в заголовках материалов на примере двух газет, различающихся своей издательской политикой, – «Экспресс К» и «Время».

Ежедневная общественно-политическая республиканская газета «Экспресс К» (К – Казахстан) берет свое начало с «Ленинской смены», основанной 7 ноября 1920 года.

Газета была переименована решением общего редакционного собрания после августовского путча 1991 года.

Газета «Экспресс К» награждена орденом «Знак Почета». На престижном конкурсе «Алтын Жұлдыз» газета «Экспресс К» признана лучшей газетой 2001 года в номинации «Республиканская газета на русском языке», а на конкурсе «Выбор года» газета признана общественно-политической ежедневной газетой №1 2003, 2004, 2008 года в Казахстане.

«Экспресс К» выходит пять раз в неделю: вторник, среда, четверг, пятница, суббота.

Основные темы: политика и экономика, культура и искусство, спорт, здравоохранение, наука и образование. Круг читателей – активная, деловая часть населения.

Контент-анализ выпусков газеты «Экспресс К» с 2010 по 2015 гг. позволил выявить более 1000 заголовков, содержащих те или иные прецедентные феномены. Однако таких заголовков намного больше, так как каждая первая поднимаемая тема содержит в себе прецедентный текст, который начинается с заголовка либо лида материала.

Большая часть всех заголовков (772) с прецедентными феноменами содержит отсылку к фольклору, пословицам, поговоркам, а также фразеологизмам, которые рассматриваются нами как «словосочетания, воспроизводимые в виде готовой речевой единицы». Небольшая часть заголовков содержит прецедентные тексты или фразеологизмы в неизменном виде: «Дело – за малым», «Служили два товарища» (18.06.2015); «Место встречи изменить нельзя», «Счастливо оставаться», «Куба далека – куба рядом» (26.05.2015). Большинство же заголовков, напротив, являются «квазицитациями», т.е. видоизмененными различными способами прецедентными текстами или фразеологизмами: «Моя вода – мое богатство» (26.05.2015); «Любви все возрасты покорны», «Бастык, не будь албасты» (24.01.2015); «Азия Доусы», «Шла победа по шоссе» (27.01.2015); «С Нургалиева взятки гладки» (27.08.2011). Такое частое (более четверти из всех заголовков с прецедентными феноменами) обращение издания к «национально-прецедентным текстам» может быть объяснено двумя причинами. Во-первых, ориентацией на аудиторию. «Экспресс К» имеет широкую географию распространения – по всей территории Казахстана, а также имеет интернет-ресурс, благодаря которому в редакцию поступают письма и материалы из СНГ, стран ближнего и дальнего зарубежья – в основном пишут выходцы из Казахстана, владеющие русской речью. Прецедентные феномены в заголовках легко узнаваемы всеми читателями – представителями единого национального, языкового и культурного сообщества, а значит, они служат маркерами общего социально-культурного пространства. А во-вторых, такое единство выражается не только в принадлежности к одному сообществу, но и в разделении единых ценностных установок, взглядов, убеждений и точек зрения внутри него. Именно поэтому в большей части заголовков «Экспресс К» актуализируются экспрессивные прецедентные тексты, которые предлагают определенную оценку описываемых в материалах проблем или событий:

– «За границей «камрюшка» – полушка, да рубль перевоз» (24.01.2015) – о том, как казахстанские перегонщики автомобилей дали отпор российским рэкетирам;

– «Автомобиль – не роскошь, а... большая роскошь» (24.01.2015) – из всех нововведений, связанных с Таможенным союзом, в

Казахстане больше всего обсуждают повышение ввозных пошлин на автомашины из третьих стран;

– *«Душа улетает бизнес-классом»* (21.02.2015) – о том, как экстрасенс Кияр Сахаев из Астаны за хорошие деньги учит людей выходить из... своего тела;

– *«Трудиться по-немецки, прощать по-казахски, быть несгибаемым по-русски»* (11.02.2015) – на Кенсайском кладбище в Алматы похоронили уникального казахстанского литератора Герольда Бельгера, который одинаково талантливо писал на трех языках – казахском, русском и немецком;

– *«Резвый, как стеклышко»* (11.02.2015) – Казахстану нужно создать первую в мире сеть автобанов из... стекла. Этот материал, по словам инженера из Астаны Елебая Сагытова, гораздо прочнее асфальта;

– *«Соль есть, а где текила?»* – (11.02.2015) – десятки «бистро» открылись в лесах Северного Казахстана, где дикие животные могут найти себе «меню» по душе: зерно, сено, солому и кормовые веники.

Второй по частоте цитирования прецедентных феноменов источник – литература (более 349 заголовков). Здесь можно выделить две группы: названия литературных произведений и цитаты из них. Это и произведения русской классической литературы или написанные для экранизации сценарии:

– *«Вашего акима и там, и здесь передают»* (21.02.2015) – благодаря видеоконференц-связи в режиме онлайн в отчетной встрече акима Карагандинской области Нурмухамбета Абдибекова приняли участие более шести тысяч жителей региона;

– *«Мы вам крылышки-то подрежем»* (17.04.2015) – разгромив в Самаре местный клуб «Красные Крылья» со счетом 72:50, баскетболисты «Астаны» сохранили шансы на выход в плей-офф Единой лиги ВТБ;

– *«Тут что, ядом намазано»* (17.04.2015) – второе за неделю массовое отравление детей произошло в кызылординской школе-гимназии №1 им. Мухамеджанова;

– *«Мартышка, насыть звука!»* (17.04.2015) – обитатели алматинского зоопарка стали звездами российского телевидения;

– *«Так не доставайся же ты никому»* (18.06.2015) – впервые в Северо-Казахстанской области возбуждено уголовное дело по статье – «покушение на заражение вирусом иммунодефицита человека». Полицейскими задержан 27-летний неоднократно ранее судимый сельчанин, состоящий на учете в СПИД-центре.

Это и аллюзии с произведениями мировой литературы:

– *«Сто бед одиночества»* (17.04.2015) – 58-летний житель села Жолкудук Ержан Ибраев требует взыскать со своей супруги миллион тенге в качестве алиментов;

– *«Всадники с головой»* (11.06.2010) – Петропавловск и его окрестности наводнили всадники в погонах. Это сотрудники кавалерийского подразделения

батальона патрульной полиции городского управления внутренних дел, которые с началом летнего сезона активизировали свою работу.

Все заголовки апеллируют к широко известным произведениям и поэтому легко узнаваемы. Также большая часть таких заголовков эмоционально окрашена и содержит определенную оценку:

– *«Брат – это четыре буквы, километры понимания и дружба длиной в жизнь»* (17.04.2015) – Президент Нурсултан Назарбаев провел переговоры со своим турецким коллегой Реджепом Эрдоганом. Сначала главы государств побеседовали с глазу на глаз, затем приняли участие в заседании Совета стратегического сотрудничества высокого уровня и подписали совместное заявление;

– *«Ну-ка марш к себе в светлицу и сольфеджию учи!»* (27.01.2015) – в период перемен система образования претерпевает реформы. Черда экспериментов ломает старую модель, меняя традиционные методы на альтернативные. Вот и сейчас противовесом школьному воспитанию предлагается обучение детей на дому.

Примерно в трети заголовках «Экспресс К» актуализируются прецедентные феномены из области мирового кинематографа (*«900 дней, 900 ночей»* (27.01.2015), *«Дикий, дикий Запад»* (18.06.2015), а также отечественного и российского (*«Кислотный дождичек в четверг»* (27.01.2015); *«Шурота казанская»* (15.05.2015); *«Я к вам пришел навеки поселиться»* (03.06.2015), *«Служили два товарища»* (18.06.2015), *«Место встречи изменить нельзя»*, *«32 июля»* (26.05.2015), и из сферы современной музыки (*«Лучше сделать 100 шагов вперед, чем миллион вдогонку»*, *«А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты»* (26.05.2015).

Особо следует отметить корпус прецедентных заголовков, апеллирующих к медийному контексту современности. Каждый текущий момент общественной жизни «выдвигает в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно». То или иное актуальное событие, получившее наибольший общественный резонанс, не только фиксируется СМИ, но и эксплуатируется в дальнейшем в заголовках как свернутая метафора определенной ситуации, хорошо известной и легко узнаваемой всеми читателями. Например, заголовки материалов, посвященных вымирающей популяции сайгаков в стране: *«Страшно, аж джут»* (25.01.2015), *«Умом "сайгаков" не понять»* (23.02.2015), *«Мрут как мухи»* (11.09.2013), *«Спасите наши туши»* (12.11.2013), *«Антилопу гнут»* (18.02.2014).

Или заголовки, связанные с дефицитом бензина:

– *«Крыш-тест»* (05.06.2015) – казахстанские чиновники, как оказалось, борзыми щенками взяток не берут, а довольствуются талонами на бензин;

– *«Автобаки сухие, как мартини»* (02.06.2015) – мажилисмены выяснили, почему владельцы бензоколонок «бодяжат» горючее.

Автозаправщики вынуждены продавать суррогат, поскольку профильное министерство не замораживает оптовую стоимость на ГСМ;

– *«Бочка катится в гору»* (27.05.2015) – мировые котировки на нефть, рванувшие вверх, подняли стоимость бензина в Казахстане. Минэнерго поднял потолок цен на Аи-92 до 108 тенге за литр, на Аи-80 – до 89, а на дизтопливо – до 99 тенге. Тем самым автозаправки получили официальную «отмашку» поднять цену бензина в розницу;

– *«Вас ист дас? Дас ист газ!»* (12.03.2015) – отечественные автолюбители переходят на газ: в 2014-м выбор в пользу экономичного и экологичного топлива сделали 15 тысяч казахстанцев, которые установили на своих машинах газобаллонное оборудование;

– *«Тут без пол-литра не обойтись»* (26.02.2015) – казахстанских автомобилистов ждут приятные сюрпризы – бензин может снова подешеветь. Такой прогноз сделал первый замминистра энергетики Узакбай Карабалин. Впрочем, не исключен и обратный вариант...;

– *«И целого бака мало»* (14.02. 2015) – цены на бензин пошли на новый круг снижения – уже в третий раз с декабря прошлого года. Минэнерго опустило потолок ценников для «народных» марок горючего;

– *«Баки под завязку»* (10.02.2015) – глава национальной компании «КазМунайГаз» Сауат Мынбаев допускает сценарий дальнейшего удешевления горючего на казахстанских бензоколонках;

– *«Белая горючка»* (27.01.2015) – дешевающий бензин министр энергетики Владимир Школьник считает палкой о двух концах. С одной стороны, автомобилисты не нарадуются снижающимся ценникам на автозаправках, торгующих российским горючим. С другой – отечественные нефтеперерабатывающие заводы оказались на грани останова.

Ситуация в Казахстане по дефициту, удешевлению или удорожанию бензина подается как самостоятельный прецедентный феномен текущего момента и безошибочно узнается в заголовках, не содержащих напрямую упоминание проблемы.

Итак, в заголовках «Экспресс К» актуализируются прецедентные тексты из области устного народного творчества, литературы, кинематографа, музыки. Все они являются национально- или универсально-прецедентными и легко узнаются всеми читателями, так как заложенный в них метафорический концепт «позволяет эксплуатировать смысл, выработанный общественным сознанием». Подавляющее большинство актуализированных в заголовках прецедентных феноменов эмоционально окрашены, экспрессивны, содержат ту или иную оценку. Таким образом, информационная политика издания направлена на консолидацию мнений и оценок читательской аудитории, на формирование единого вектора отношения к тем или иным происходящим событиям.

Рассмотрим другое издание – «Время». Общественно-политическая газета Казахстана выпускается еженедельно и ежедневно. Тираж еженедельного

выпуска – 180 000 экземпляров, ежедневного – 25 000 – 30 000. Распространяется по всему Казахстану, в частности в 20 городах республики.

Тематика газетных материалов: политика, экономика, бизнес, социальные проблемы, культура, спорт, дайджест-материалы, программа ТВ (включая спутниковое), реклама, частные объявления.

Газета «Время» выходит четыре раза в неделю – вторник, среда, четверг, суббота. Формат газеты – А-3. Во вторник, среду, субботу газета выходит тиражом 25-30 тысяч экземпляров. В четверг газета выходит тиражом 160-170 тысяч экземпляров.

Еженедельный тираж газеты «Время» более 240 000 экземпляров. Это самый большой тираж среди общественно-политических информационно-рекламных газет.

Издание поднимает острые социальные темы, открыто освещает общественные проблемы. В ходе контент-анализа выпусков «Время» за 2015 год также было выявлено большое количество заголовков с прецедентными феноменами.

Большая часть прецедентных феноменов, актуализированных в заголовках «Время», апеллирует к области искусства, музыки и кинематографа:

– *«Ах, вернисаж! Какой пассаж...»* (16.06.2015) – решением районного суда №2 Алматинского района Астаны экс-председатель правления национальной компании «Астана ЭКСПО-2017» Талгат Ермагияев помещен под домашний арест,;

– *«Овчинка выделки стоит?»* (16.06.2015) – в Алматы на проспекте Абая в пилотном режиме заработала выделенная полоса для общественного транспорта – первая в Казахстане;

– *«Утром квартиры - вечером деньги»* (17.06.2015) – депутаты парламентской фракции партии «Нур Отан» критиковали госорганы за неосвоение бюджетных средств и нарушение сроков при строительстве госжилья;

– *«Вам и карта в руки»* (17.06.2015) – международный фонд защиты свободы слова «Әділ сөз» запустил на своем сайте интерактивную карту событий в сфере свободы слова в Казахстане.

Следующие по частоте обращений сферы-источники – область литературы: *«Во имя мира»*, *«Сокращение строптивного»*, *«Под крышей дома своего»* (16.06.2015).

При этом большая часть заголовков не имеет ярко выраженной оценки и лишена экспрессии. Авторы, очевидно, рассчитывают на высокий уровень образованности своей аудитории и ее умение аналитически мыслить. Предполагается не однозначная оценка читателем предлагаемого материала, а подключение к его глубокому социально-культурному опыту.

В заголовках «Время» присутствуют также прецедентные феномены из сферы фольклора – квазицитации пословиц и поговорок, а также фразеологизмы: *«Тише едешь - богаче будешь»* – о передвижных радаров, всего за три дня работы в Алматы нацелкавших штрафов для водителей-лихачей на

50 млн. тенге (16.04.2015); «*Кто = на новенькие?*» – о выдаче в Казахстане водительских удостоверений нового образца (04.03.2015); «*Нам любые дороги налоги*» – о начале ловли автомобилистов в Алматы, которые не платят транспортный налог (19.02.2015). По сравнению с «Экспресс К» в газете «Время» эта сфера-источник актуализируемых прецедентных феноменов представлена гораздо меньшим количеством примеров. Эти заголовки также не несут явной оценки.

В целом, прецедентные феномены в заголовках издания «Время» не навязывают интерпретацию описываемых проблем или событий. Апелляция к единому социально-культурному и историческому опыту авторов и читателей открывает дополнительные темы к размышлению с опорой на общность взглядов и мнений. Однако происходит это в гораздо более сдержанной форме, нежели в «Экспресс К».

Активизация употребления средствами массовой информации тех или иных прецедентных феноменов в заголовках, таким образом, продиктована стремлением к консолидации читательской аудитории, ее мнений и оценок происходящих событий. Издания с различной информационной политикой реализуют это стремление по-разному, ориентируясь, в первую очередь, непосредственно на читательскую аудиторию. Так, массовые издания, распространяемые среди большого количества людей и направленные на широкий круг читательских интересов, стремятся к актуализации экспрессивных прецедентных феноменов, апеллирующих к широко известным текстам, произведениям, ситуациям или фигурам. Заложённая в них оценка легко воспринимается и поддерживается читателями, консолидируя их взгляды и мнения. Издания, ориентированные на более узкий, «избранный» круг читателей, эксплуатируют более глубокие смыслы прецедентных феноменов и опираются уже не столько на явную оценку, сколько на общий социально-культурный опыт читательской аудитории. Ресурсы прецедентности, актуализируемые в заголовках, эксплуатируются как действенные инструменты информационной политики изданий.

Итак, во второй главе диссертационной работы нами рассмотрены особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе, а именно: заголовочные конструкции как инструмент лингвокультурной интерпретации прецедентных текстов.

Проведен анализ трансформационных моделей заголовочных конструкций казахстанских СМИ. Определены ресурсы прецедентности в заголовках казахстанских СМИ (на примере республиканских изданий «Экспресс К» и «Время»).

Установлено, что в связи с частотным использованием процедуры модификации прецедентных феноменов может возникнуть проблема их адекватного восприятия. Если адресату доступно только буквальное восприятие текста, содержащего прецедентное высказывание, то можно говорить о неадекватной интерпретации текста воспринимающим, о нарушении коммуникации, поскольку суть восприятия прецедентного высказывания

заключается не в буквальном понимании лексического состава, а в ассоциациях, которые тот должен вызвать. Чтобы вызвать у реципиента ответную реакцию, иногда достаточно только опоры на структуру цитаты, пословицы или крылатого выражения, так как формальное сходство, например, с пословицей вызывает необходимые ассоциации, подсказывает воспринимающему исходный вариант прецедентного текста. В этом случае прецедентный феномен повышает выразительность текста, наполняет его новыми смысловыми оттенками, при этом исходное и производное выражения могут находиться в разных отношениях друг с другом: синонимических, паронимических, но чаще – антонимических. Трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны. Включение таких единиц способствует диалогизации текста и эксплицитно или имплицитно выражает оценку, что и было продемонстрировано нами на примерах из газетного дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В магистерской работе «Знаки прецедентных текстов как лингвокультурный код» прецедентные феномены рассмотрены как фрагмент

лингвокультурологической парадигмы знаний. С позиций различных учений о прецедентных феноменах проанализирована их семантика и структура. Определено место прецедентных текстов в типологии прецедентных феноменов.

Существуют некие знания и представления о «культурных предметах» являющиеся достоянием практически всех, для кого русский язык является родным. Подобные «культурные предметы» вслед за Д.Б. Гудковым мы назвали прецедентными феноменами и выделили среди них вербальные или вербализуемые и невербальные.

Прецедентные феномены обладают основными признаками прецедентности, к числу которых мы относим: инвариантность, эталонность, воспроизводимость, клишированность, аксиологическую маркированность.

Рассмотрен вопрос о прецедентных текстах как маркерах этнокультурной картины мира. Прецедентные феномены функционируют, будучи погруженными в некий культурный континуум или культуросферу, заполненную разнотипными и находящимися на разном уровне организации культурными образованиями, к которым принадлежит и текст.

Проанализировано освещение феномена прецедентных текстов в современной лингвистике и лингвокультурологии. Отмечено, что, как всякий знак, такой знак-текст может воспроизводиться многократно, интерпретируясь в процессе развития. Приведена классификация прецедентных текстов и условия возникновения прецедентности; перечислены функции, выполняемые концептами прецедентных феноменов.

Подчеркнуто, что знаки подобных текстов, маркируя речь, придают ей специфическую кодированную форму, а также становятся символами лингвокультурного кода, с помощью которых устанавливается однотипное социальное отношение к выраженному смыслу.

Феномен интертекстуальности, возникший в рамках постструктурализма и изначально получивший развитие в литературоведении, на данном этапе развития лингвистики рассматривается как особенность существования массовой культуры, произведений изобразительного искусства, музыки, театра, способов массовой коммуникации. Современный газетно-журнальный дискурс испытывает сильное влияние культурной эпохи постмодернизма, для которой характерны генерация образов, метафор, языковой игры. Лингвокогнитивный подход к языку привел к созданию теории прецедентности, единицы которой рассматриваются как материализованные знаки интертекстуальности, тезаурусные формы ее существования.

Методологическую базу диссертации составили труды ученых, выполненные в русле антропоцентрического направления современной лингвистической науки. Целесообразность применения интегративного подхода к изучению ПФ в заголовках продиктована возможностью совмещения достижений активно развивающихся в настоящее время сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории дискурса, что обеспечивает комплексность исследования.

Были защищены следующие положения:

- 1) Прецедентные тексты маркируют речь, придавая ей кодированную форму, дешифровка которых возможна при наличии знаний социокультурного контекста.
- 2) Прецедентный текст как элемент культурной памяти народа регулярно используется для создания других текстов, при этом формой включения его в публицистический контекст является языковая игра, понимаемая нами, как некоторая языковая «неправильность», осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая им.

В основе действия прецедентного текста – сравнение «данного» и «нового», причем, «новое» рассматривается лишь как вариация, видоизменение «данного». Эффект новизны, необходимый для этого, достигается либо за счет деформации текста, либо за счет наложения на новую ситуацию, неожиданной референтной отнесенности (часто – и того, и другого вместе).

Прецедентные тексты особенно актуальны для газетной коммуникации, так как речевой облик современных СМИ напоминает «игровое поле», а «чтение превращается в увлекательную забаву по разгадыванию связей между «брошенными» на одно поле фишками из разных игр». Чтобы быть востребованным, необходимо владеть способами создания интересного материала для разного читателя, необходимо установить диалог с ним, поэтому авторы статей намеренно переходят к «тексту-игре». Включение ПТ в публицистический дискурс имеет свои особенности, которые также могут быть объяснены спецификой жанра: представленная в прессе информация всегда должна быть актуальной, ситуативно «горячей». Автор журнальной или газетной статьи, используя культурную и эмоциональную «нагруженность» ПТ, должен приблизить его к реально описываемой ситуации, а механизмом, позволяющим осуществить такой «перенос», является особое устройство когнитивной базы носителя языка, его вербальной и «образной» памяти.

В свою очередь, исследование заголовка как сильной текстовой позиции, в котором «чужое слово» обладает презумпцией прецедентности, дает возможность изучить особенности национального сознания представителей анализируемых лингвокультурных обществ, а также выявить механизмы воздействия и способы функционирования данных единиц.

Анализ содержательно-семантических свойств ПФ в заголовках казахстанской прессы выявил ряд общих и национально-специфичных черт. Первые отражают общность человеческой природы и ценностных ориентиров. Вторые свидетельствуют о приоритетах, продиктованных национальными, историческими и современными политическими факторами.

Заголовкам казахстанских СМИ свойственен феномен полипрецедентности, заключающийся в обращении к двум и более ментальным сферам-источникам, что позволяет активизировать несколько областей фоновых знаний читателя путем разгадывания предложенного ребуса. Отмеченное явление объясняется склонностью ПФ, с одной стороны, к реинтерпретации, а с другой – к контаминации с целью создания нового текста.

Коммуникативное намерение заголовка формируется как на основе использования ПФ в канонической форме, так и посредством различных его изменений (лексических, графических, синтаксических, грамматических, комплексных трансформаций и контаминации). Последний прием является наиболее частотным, поскольку позволяет адаптировать ПФ к материалу публикации, выразить авторскую позицию, создать эффект новизны. Среди выявленных трансформаций приоритетными стали лексические, представляющие широкое поле для словотворчества.

Обзор основных работ, посвященных прецедентным текстам в аспекте интертекстуальности, показывает, что эта область лингвистики ещё открыта для исследований. Прецедентные тексты, по нашему мнению, совмещают в себе два свойства: с одной стороны, они являются воспроизводимыми (и в этом смысле стандартными) единицами, с другой, – они всегда эмоционально нагружены, экспрессивно заряжены. Эти две черты в ПТ неразделимы и «работают» одновременно на создание дополнительного смысла и экспрессивной выразительности текста. Кроме того, без специального усилия читателя, направленного на «декодирование» заключенного в прецедентном тексте значения, понимание целостного смысла текста просто невозможно. И это свойство ПТ делает данную лингвокультурную единицу «востребованной» в современном постмодернистском публицистическом дискурсе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): Научное издание. – СПб., 2002. – 383 с.
- 2 Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007. – 176 с.
- 3 Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 28-36
- 4 Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентное [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 262 с.
- 5 Сергеева, Г.Г. Аспекты функционирования прецедентных имен в молодежной среде [Текст] / Г.Г. Сергеева // Филологические науки. №2. – М., 2003. – С. 102-110.
- 6 Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 307 с.
- 7 Вацковская, И.С. Прецедентное имя в политическом дискурсе [Текст] / И.С. Вацковская // Studia Linguistica XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. – СПб.: Политехника-сервис, 2008. – С. 338-342.
- 8 Фомин, А.А. Прецедентные онимы в художественном тексте [Текст] / А.А. Фомин // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. – Вып. 4. – С. 130-147.
- 9 Березович, Е.Л. Прецедентный топоним в русской языковой традиции: механизмы формирования и функционирования [Текст] / Е.Л. Березович // Ономастика Поволжья: тез. докл. IX междунар. конф. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 147-149.
- 10 Смирнова // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2008. – № 2. – С. 131-136.
- 11 Проскурина, А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Проскурина. – Самара, 2004. – С. 115-132.
- 12 Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М.: Академия, 2000. – 189 с.
- 13 Балашова, Л.В. Метафора и языковая картина мира носителя слэнга (на материале прецедентного мира «Детство») [Текст] / Л.В. Балашова // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – И., 2008. – № 2. – С. 4-9.
- 14 Чумак-Жунь, И.И. Функционирование прецедентного образа в поэтическом дискурсе [Текст] / И.И. Чумак-Жунь // Художественный текст и языковая личность: материалы IV Всерос. науч. конф. (Томск, 27-28 октября 2005 г.). – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2005. – С. 83-87.
- 15 Баженова, Е.А. Интертекстуальность [Текст] / Е.А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 104-108.
- 16 Слышкин, Г.Г. кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) [Текст] / Г.Г. Слышкин, МА. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 300 с.

- 17 Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум и элемент [Текст] / В.А. Лукин. – М.: Ось-89, 2005. – 187 с.
- 18 Иванов, В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. [Текст] / В.В. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 319 с.
- 19 Сакун, Ю.П. Культурные символы [Текст] / Ю.П. Сакун // Философия. Краткий тематический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – С. 248-249.
- 20 Хализев, В.Е. Теория литературы [Текст]: учебник для вузов / В.Е. Хализев. – М.: Высш. школа, 2000. – 402 с.
- 21 Проскурина, А.А. Прецедентные тексты в англо-русском юмористическом дискурсе [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Проскурина. – Самара, 2004. – С. 45-59
- 22 Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод [Текст] / Г.В. Денисова. – М.: Азбуковник, 2003. – 183 с.
- 23 Филиппова, С.Г. Интертекстуальность как средство объективизации картины мира автора [Текст]: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / С.Г. Филиппова. – СПб., 2007. – 98 с.
- 24 Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык [Текст] / И.В. Арнольд. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 234 с.
- 25 Уайтхед, А.Н. Избранные работы по философии: пер. с англ. [Текст] / А.Р. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 321 с.
- 26 Петрова, Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов) [Текст]: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Петрова. – Волгоград, 2005. – 209 с.
- 27 Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 23-67.
- 28 Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург-Омск, 1999. – 167 с.
- 29 Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. – 199 с.
- 30 Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.13. – Екатеринбург, 2004. – 254 с.
- 31 Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – № 6. – М., 1995. – С. 17-29.
- 32 Алексеенко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX - XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. – М., 2003. – 233 с.
- 33 Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Лингвокультурологический анализ. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 89-123.

- 34 Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества, т.12. – Екатеринбург, 2004. – С. 67-90.
- 35 Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003. –139 с.
- 36 Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. –231 с.
- 37 Фатеева, Н.А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Н. А. Фатеева // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1998. – Вып. 4. – С. 156-187.
- 38 Фомичева, Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе [Текст]: автореф. дис.... канд. филол. наук / Ж.Е. Фомичева. – СПб., 1992. –17 с.
- 39 Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. –99 с.
- 40 Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М., 2004. –134 с.
- 41 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
- 42 Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культуры. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
- 43 Томахин Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки, № 5. – М., 1988. – С. 82-90.
- 44 Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Просвещение, 1988. – 186 с.
- 45 Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М.А. Черкасский // Паремиологический сборник. – М., 1978. – С. 33-52.
- 46 Руднев, В.П. Словарь культуры XX в. Текст. / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 307 с.
- 47 Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. – М., 1977 – 211 с.
- 48 Костомаров, В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – № 1. – М., 1994. –300 с.
- 49 Шестак Л.А. Языковой образ: семантическая структура образных номинативных средств языка // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии: Сб. тез. докл. Междунар. конф. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 32-37.
- 50 Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1996. – С. 78-96.
- 51 Баранов А.Г. Модель речевого воздействия: автор VS реципиент // Проблемы речевого воздействия. Материалы Всероссийской научной конференции. – Вып.1. Речевые цели и средства их реализации. –Лиманчик,1996. – С. 5-7.

- 52 Бобылев Б.Г. Стилистический анализ художественного и публицистического текста. – Алма-Ата: «Мектеп», 1987. – 102 с.
- 53 Сиротина О.Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения в современной публицистике // Развитие функциональных стилей современного русского языка / Под. ред. Т.Г. Винокур и Д.Н. Шмелева. – М.: «Высшая школа», 1968. – 167 с.
- 54 Лазарева Э.А. Заголовок в газете. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1989. – 94 с.
- 55 Баяндина С.Ж. Функции языка в контексте современной лингвистической парадигмы: автореф... доктора филолог. наук. – Алматы, 2003. – 45 с.
- 56 Москвин В.П. О приемах смыслового акцентирования // Русская речь. – №2. – 2006. – С. 30-42.
- 57 Жаева Р.Р. Способы актуализации языковой игры в публицистическом дискурсе (на примере прецедентных текстов). Монография. Журнал: Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2012. – С. 56-69.
- 58 Кривенко Б.В. Фразеология и газетная речь. // Русская речь. – № 3. – М., 1993. – 67 с.
- 59 Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М.: Наука, 1996. – С. 157-168.
- 60 Даштамирова З.Г., Сердюкова Л.И. Аллюзия – прагмакомпонент художественного текста // Прагматика и стилистика текста. – Алма-Ата, 1988. – С. 49-54.
- 61 Солганик, Г.Я. О новых аспектах изучения языка СМИ / Г.Я. Солганик // Вестник МГУ. Серия Журналистика. – № 3. – М., 2000. – С. 123-140.
- 62 Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – 544 с.
- 63 Костомаров, В.Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Язык как творчество. – М., 1996. – 398 с.
- 64 Лотман Ю.М. Двойственная природа текста // Текст и культура: общие и частные проблемы. – М., 2002. – 290 с.
- 65 Барт Р. Миф сегодня // Избр. работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – 371 с.
- 66 Солганик Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – М., 2001. – № 3 – с. 101-125.